Белая дама

Генри Ландау

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — английский разведчик времён мировой войны 1914–1918 гг. В книге рассказывается о работе подпольной организации бельгийских патриотов «Белая дама», действовавшей на оккупированной немцами территории.

- Генри Ландау
  - Предисловие
  - От автора
  - Часть первая
    - Глава I. Дьёдонне Ламбрехт, герой и мученик Льежа
    - Глава II. Как была основана «Служба Мишлена»
    - Глава III. Связь с союзниками установлена
  - Часть вторая
    - Глава IV. Миссия Лемера
    - Глава V. Милитаризация «Белой дамы»
    - Глава VI. Дела и дни одного взвода
    - Глава VII. Служба связи
    - Глава VIII. Немецкая тайная полиция
    - Глава IX. За тюремными стенами
    - Глава X. Подвиги шимейской роты
    - Глава XI. Жанна Дельвэд
    - Глава XII. Летучий отряд
    - Глава XIII. На «Вилле ласточек»
    - Глава XIV. Побег из тюрьмы Сен-Леонар
    - Глава XV. Провал на границе
    - Глава XVI. «Служба Бископса»
    - Глава XVII. Славные итоги
  - Приложение
  - Примечания
- notes
  -

Генри Ландау
Белая дама

Предисловие

Существовало старинное предание: последнему из правящих Гогенцоллернов должен был явиться перед крушением династии призрак «белой дамы». Во время первой мировой войны «Белой дамой» назвала себя подпольная организация бельгийских патриотов, действовавшая на оккупированной немцами территории. Эта организация преследовала задачу вести разведку в пользу союзников, снабжая их военной информацией из тыла противника. Сперва «Белая дама» была связана с разведкой английского генерального штаба, впоследствии — с разведкой английского военного министерства.

«Белая дама» была многочисленной и широко разветвленной организацией. К моменту перемирия она насчитывала свыше тысячи участников, из которых 904 человека считались военнослужащими и принесли присягу. Организация была поставлена на военную ногу. Она работала с исключительным успехом и снабжала союзников сведениями большой важности. Автор настоящей книги, бывший работник разведки английского военного министерства, капитан Генри Ландау, считает, что в течение последних полутора лет войны союзники получали от «Белой дамы» более 75 процентов всех сведений, поступавших с оккупированной территории Бельгии и Франции. Несмотря на такие значительные результаты, организация сумела свести свои потери до минимума. За все время ее деятельности было арестовано 45 ее участников, и лишь двое из них были расстреляны немцами.

Участники «Белой дамы» вербовались из всех слоев населения оккупированной территории. Наряду с представителями бельгийской аристократии, духовенства, торгово-промышленных кругов в нее вводили лица свободных профессий, учителя, служащие и рабочие. Духовенство составляло особенно значительную прослойку организации. Широкий патриотический характер «Белой дамы» в значительной мере объясняет её успехи. [4]

Основатели и руководители «Белой дамы» — инженер Деве и профессор физических наук Шовен — не были военными людьми и, по-видимому, до войны никогда не интересовались вопросами разведки. Однако, создавая разведывательную организацию в тылу врага, Деве и Шовен проявили находчивость и крупные организаторские способности. Щупальца «Белой дамы» охватили все важнейшие районы оккупированной территории, проникая даже в полицейские учреждения и за тюремные стены.

Фундаментом организации была её сеть железнодорожных наблюдательных постов. К концу своей деятельности она располагала 51 таким постом, обслуживавшимся 206 агентами. Днём и ночью специальные наблюдатели следили из окон удобно расположенных домов за движением поездов по железнодорожным магистралям немецкого тыла, тщательно занося на бумагу данные о проходивших эшелонах, их составе и направлении их движения. Инструкции, опубликованные в приложении, дают полное представление о требованиях, предъявлявшихся к железнодорожным наблюдательным постам разведкой английского военного министерства. Донесения железнодорожных наблюдательных постов обрабатывались и перепечатывались в двенадцати секретариатах «Белой дамы».

Об объёме этой работы достаточно красноречиво свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что к концу войны каждая почта, отправлявшаяся «Белой дамой» в адрес разведки английского военного министерства, достигала 250 листов машинописи. Такая почта поступала в Голландию регулярно два раза в неделю. Тщательно изучая ценнейшие данные о воинских перебросках по железным дорогам во вражеском тылу, союзники могли установить намерения противника и даже определять сроки операций, подготовлявшихся им на том или ином участке фронта.

Опыт железнодорожных наблюдательных постов «Белой дамы» не утратил актуального интереса и в наши дни, несмотря на развитие воздушной разведки. Непрерывное и систематическое наблюдение со стороны железнодорожных постов ничем не может быть целиком и полностью заменено.

Терпение, выдержка, труд являются основой основ работы современной разведки. И центральной фигурой «Белой дамы» была не блистательная авантюристка типа Мата Хари, которой посвящаются бульварные романы и голливудские кинофильмы, а скромный железнодорожный служащий, ведший посменно с женой и детьми правдивую запись вагонов, мелькавших мимо окон его квартиры.

Достоинство книги Генри Ландау заключается в том, что она с относительной достоверностью и без особых претензий излагает будни разведывательной работы. Автор описывает шаг за шагом развитие «Белой дамы», трудности и проблемы, с которыми она сталкивалась. [5]

В то же время нельзя упускать из виду, что Генри Ландау являлся руководящим работником разведки английского военного министерства и склонен прикрашивать свою прошлую работу.

За промежуток времени между двумя мировыми войнами прогресс техники, и прежде всего радиосвязи и авиации, внес крупные изменения в практику разведывательной работы. И все же многие проблемы, стоявшие перед «Белой дамой», остаются в силе и в наши дни.

Настоящая книга Генри Ландау может рассматриваться как продолжение его работы «Секретная служба в тылу немцев», уже знакомой нашему читателю (См. Г. Ландау, Секретная служба в тылу немцев (1914–1918 гг.), Воениздат, 1943.)

Книга состоит из двух частей. Первая из них посвящена зарождению «Белой дамы». Вторая часть излагает историю её деятельности и борьбы с немецкой контрразведкой.

Б. ИЗАКОВ [6]

От автора

Обзор разведывательной деятельности союзников на оккупированных немцами территориях в мировую войну 1914–1918 гг. можно разбить на три раздела:

1) руководящие органы союзной разведки в Голландии (наиболее значительной из них была разведка английского военного министерства);

2) шпионы и разведывательные органы в тылу противника;

3) германская контрразведка.

Моя книга «Секретная служба в тылу немцев» посвящена первому из этих разделов. «Белая дама» — двум последним.

Когда на оккупированных территориях начинались аресты наших разведчиков, они следовали один за другим с молниеносной быстротой. В большинстве случаев мы не знали, что произошло. Где была допущена неосторожность? Кто виновник провала? Вызваны ли аресты предательством? Кто изменник? Мы с тревогой задавали себе эти вопросы, но они оставались без ответа. Недавно я получил доступ к секретным документам немецкой контрразведки, и мы, наконец, узнали правду. Достоверность этих документов не возбуждает сомнений. Весь этот материал использован мною в настоящей книге. Впервые также здесь дан полный очерк деятельности германской контрразведки в оккупированных районах Бельгии и Франции: описаны её организация, методы, названы её главные агенты.

Прежде чем написать эту книгу, я снова посетил все места, где во время войны протекала моя деятельность разведчика, беседовал с моими бывшими агентами и собрал много новых данных. Я не скрываю имён наших агентов. Мои друзья в Бельгии и во Франции уверяют меня, что если оглашение имён наших разведчиков могло причинить им вред, то это уже сделано мною лет назад, когда публиковались полные списки награждённых орденами и медалями. Что касается применявшихся нами методов разведки, то лишь для широкой публики они покажутся новостью; для немецкой тайной полиции они давно не представляют секрета.

1935 год, август.

Г. ЛАНДАУ [7]

Часть первая

Глава I. Дьёдонне Ламбрехт, герой и мученик Льежа

На склоне холма, господствующего над Льежем, расположено предместье Тьер-а-Льеж. Здесь, в одном из маленьких кирпичных домиков, с лиловой шиферной крышей и крошечным садом, родился и вырос Дьёдонне Ламбрехт. Вместе со своим деверем он основал механическую мастерскую, которая вскоре превратилась в небольшой завод точных инструментов. Ламбрехт был материально обеспечен, счастлив в семейной жизни. Казалось, что его жизнь прочно устоялась.

Но всё изменилось, когда в 1914 году грянула война. Ламбрехт решил посвятить свои способности, своё состояние, а если понадобится, и самую жизнь, задаче освобождения родины от немецких захватчиков. Разумеется, первой его мыслью было вступить в бельгийскую армию. Но когда он очутился на голландской территории, к нему обратился один из многочисленных агентов союзной разведки в Голландии. Это был бельгиец Афшен, работавший под руководством майора Камерона, начальника разведки английского генерального штаба.

Ламбрехту минуло 32 года. Это был человек смелого и быстрого ума. Он внимательно выслушал Афшена, обдумывая, каким путём лучше служить родине. Ламбрехта не [8] пришлось долго убеждать: он вернулся в Бельгию, чтобы организовать там службу разведки.

Ламбрехт нашёл поддержку в католических кругах Льежа. Два священника, отец Дюпон и отец Дез-Оней, помогли ему завербовать нескольких бывших железнодорожных служащих. С этой горсткой преданных приверженцев ему удалось создать в Льеже, Намюре и Жемеле наблюдательные железнодорожные посты, следившие за всеми передвижениями войск через эти важные центры.

Самую опасную работу Ламбрехт оставил себе. Несмотря на бдительный надзор немецкой тайной полиции, он ездил по стране, вербуя новых агентов и выслеживая местопребывание немецких дивизий. Он вёл разведывательную и вербовочную работу по всей Бельгии, в Бельгийской Фландрии и даже проник в Люксембург. Однажды в Жемеле он заметил оживлённое движение немецких войск, направлявшихся на запад, с восточного фронта. Сообразив, что по всей вероятности происходит концентрация войск для наступления, Ламбрехт без колебания вскочил на буфер проходившего воинского эшелона и ехал так

вею ночь, пока не установил окончательно пункт его назначения. Самой дерзостью своего поведения он обманул бдительность немецкой тайной полиции — менее всего ей могло придти в голову искать шпиона в воинском поезде.

Вдобавок Ламбрехт часто ездил в Голландию в качестве курьера. Он крался по ночам мимо пограничной стражи, стараясь ускользнуть от предательских лучей прожекторов; так он переносил драгоценные донесения, написанные на тонкой папиросной бумаге. Они были зашиты в пуговицах его костюма, специально изготовленных одним из его льежских друзей. Но такая искусная маскировка выручила бы его только при случайном беглом обыске в самой Бельгии.

Будь он пойман на границе, его судьба была бы решена. Агенты германской тайной полиции очень быстро обнаружили бы компрометирующее содержание оригинальных пуговиц.

В течение восемнадцати месяцев вели наблюдение Ламбрехт и его преданные помощники. Они доносили английскому генеральному штабу о каждом поезде, проходившем через железнодорожные центры Льеж, Намюр и Жемель, о всяком передвижении войск на бельгийской территории. Эти донесения отчётливо показывали, где и когда надо было ждать наступления немцев; они представляли [9] гораздо большую ценность, чем любая информация, полученная на основании похищенных или захваченных документов противника. Документы могли быть поддельными, немцы могли изменить свои планы после их составления, а передвижения войск являлись незыблемым фактом. В прежних войнах не знали наблюдательных железнодорожных постов. Такие разведчики, как Ламбрехт, были зачинателями этого дела.

Количество сведений, переданных Ламбрехтом английскому генеральному штабу, вызывает удивление. Например, в мае 1915 года его наблюдательные посты в Жемеле и Намюре быстро и точно донесли о переброске нескольких немецких дивизий с сербского фронта во Фландрию. Донесение показало, что немецкие дивизии, находившиеся на сербском фронте, переводятся во Францию. В августе 1915 года эти же посты заметили движение воинских поездов с восточного фронта в Шампань. Стало очевидно, что немцы сосредоточивают войска, чтобы отбить наступление, подготовлявшееся французами на этом участке. Получив эту информацию, французы начали своё наступление на несколько дней раньше намеченного срока.

Ламбрехт своевременно донёс о немецких приготовлениях к наступлению на Верден. Он получил первые сведения об этом в результате несдержанности одного немецкого майора,

квартировавшего у его сестры. Чтобы проверить полученные сведения, он послал своих агентов в оккупированную Францию и определил местоназначение войск, следовавших стремительным потоком в западном направлении.

Но вскоре события приняли неблагоприятный для Ламбрехта оборот.

Опыт восемнадцати месяцев надоумил немецкую контрразведку принять серьёзные меры, чтобы закрыть бельгийско-голландскую границу. Для всех бельгийцев были введены удостоверения личности с фотографической карточкой и указанием адреса; при переезде из города в город приходилось получать специальное разрешение. На границе немцы установили проволочные заграждения, через которые пропускали высоковольтный электрический ток. Через каждые 100 ярдов были расставлены часовые. Кроме того, граница стала охраняться конными патрулями, собаками-ищейками, целой армией сыщиков.

Организация разведывательной работы на оккупированных территориях превратилась в трудную проблему для [10] союзных разведывательных органов. Последовали месяцы бесплодных усилий. В 1916 году был период, когда мы не получали с оккупированных территорий никаких сведений. Разведывательная служба союзников потеряла инициативу. Надо было выработать новые методы, чтобы проникнуть сквозь мощный барьер, воздвигнутый немцами на бельгийско-голландской границе.

При таких условиях не было ничего удивительного в том, что Ламбрехт внезапно потерял связи с Голландией. Его драгоценные сведения теряли всякое значение. С нараставшим нетерпением ожидал он курьера из Голландии, который забрал бы донесения из «почтового ящика в Льеже.

Тем временем в Голландии Афшен лихорадочно искал средств сообщения с Льежем, Он был бы счастлив найти хоть одного курьера, которому можно было бы доверить опасную миссию. Английский генеральный штаб ссылал «го телеграммами. Афшен пошёл на риск. Вручил ли он письмо к Ламбрехту посреднику, которого обманули, или сам стал жертвой обмана, — точно не установлено. Так или иначе, его письмо попало в руки Кёрверса, голландца, служившего в немецкой контрразведке.

«Почтовый ящик» Ламбрехта в Льеже был маленькой табачной лавкой, принадлежавшей одному из его родственников, Леклерку. В отсутствие Леклерка Кёрверс зашёл в лавку и познакомился с его женой, заявив, что приехал из Голландии со срочным письмом к её мужу. Мадам Леклерк, знавшая об опасной

работе мужа, что-то заподозрила. Этот человек, с красным одутловатым лицом и маленькими порочными глазками, внушал ей отвращение; кроме того, его произношение показалось ей скорее немецким, чем голландским. Она отказалась принять письмо. Но Кёрверс, не смущаясь, сказал ей условный пароль: «Семь ящиков трёхцветных сигар прибыли благополучно». Мадам Леклерк была в замешательстве: она всё ещё не могла заставить себя поверить Кёрверсу. После некоторых колебаний она ответила, что муж ничего не говорил ей о сигарах и что они не ждут писем из Голландии.

Как только Кёрверс ушёл, она поспешила отправиться к Ламбрехту. К её удивлению, вместо того чтобы похвалить её за осторожность, тот побранил её за сверхподозрительность. «Ведь он сказал правильный пароль, не так ли? Чего же вам ещё?» Она вернулась в лавку, где узнала, что Кёрверс снова заходил в её отсутствие. Он оставил [11] служанке письмо с запиской, в которой сообщал, что явится на следующее утро в десять часов. Письмо и записка были тотчас же доставлены Ламбрехту.

Ламбрехт нетерпеливо открыл маленький пакет, содержавший письмо, и узнал хорошо знакомый ему почерк г. Афшена. Письмо было датировано 24 февраля 1916 года. Оно гласило: «Подтверждаю длинный перечень заказов на товары, переданный вам 28 января через нашего друга Дюпона (конспиративное имя Леклерка). К сожалению, ответа мы не получили.

Человек, который передал вам заказы, не может продолжать своей работы, и я прибегаю к помощи подателя этого письма. Он будет приезжать к вам раз в неделю. Я думаю, что это единственный человек, который может делать это в настоящий момент. Я надеюсь, что вы выведете нас из нынешних затруднений и дадите ему возможно более точный отчёт о всех товарах, находящихся в вашей лавке. Совершенно необходимо использовать представившийся случай, так как никто из наших конкурентов не имеет возможности доставлять товары».

Если мадам Леклерк посеяла в мыслях Ламбрехта кое-какие сомнения, то письмо Афшена их рассеяло; оно было, несомненно, написано им. Ламбрехт готов был встретить Кёрверса с распростёртыми объятиями, он радовался тому, что связь с Голландией снова восстановлена.

Его заботил объем накопившейся за шесть недель информации, и он провёл ночь над составлением сводки самых свежих данных.

В десять часов утра Ламбрехт уже появился в табачной лавке Леклерка, на улице Кампин. Там он увидел человека,

беседовавшего с Леклерком. Это был Кёрверс.

Леклерк отозвал Ламбрехта в маленькую каморку, примыкавшую к лавке. Он разделял подозрения своей жены относительно незнакомца. Но убедить Ламбрехта ему не удалось. И вот Кёрверс был приглашён в каморку, и ему были вручены донесения.

По дороге домой Ламбрехт заметил, что за ним следят. Но так велика была его вера в Кёрверса и его постоянная забота о своих людях, что прежде всего он подумал не о собственной безопасности, а о безопасности курьера и драгоценного донесения.

Вскочив в проходивший трамвай, Ламбрехт избавился от своего преследователя. Он знал, что может найти Кёрверса в одном из кафе на Гран Плас. Заглянув в витрину одного из этих кафе, он увидел Кёрверса, сидевшего с Ландверленом и Дуаром, двумя агентами немецкой тайной [12] полиции. Ламбрехт слишком хорошо знал их в лицо: они были замешаны почти во всех арестах, которые производили в Льеже немцы.

Ламбрехт тотчас же понял, что попал в ловушку и что тайная полиция следит за ним с целью открыть его сообщников. Он ещё имел возможность спастись, так как избавился от следившего за ним сыщика. У него было немало друзей, которые охотно спрятали бы его у себя до тех пор, пока он не получил бы возможности перейти границу. Но Ламбрехт решил вернуться домой, чтобы предупредить жену, а через неё Леклерка. Он надеялся, что поспеет туда до прихода полиции.

Это был роковой шаг. Сыщики ожидали Ламбрехта в его доме. Его жена была арестована вскоре после того, как он ушёл на свидание с Ксрверсом. Впоследствии выяснилось, что ещё до появления Кёрверса тайная полиция установила слежку за табачной лавкой Леклерка, что она сфотографировала письмо Афшена и, разумеется, поняла его смысл. Как обычно, она поставила себе целью выследить сообщников и заполучить донесение — судебную улику.

Ламбрехт знал, что ему нет спасения. Он мог, однако, спасти около тридцати своих агентов (Леклерки не знали их имён). Теперь его единственная забота свелась к тому, чтобы не выдать их. Немцы применили к нему все методы «третьей степени», но не смогли сломить его сопротивления. Ламбрехт не назвал ни одного имени. Ему даже удалось убедить тайную полицию в том, что его жена не имела понятия о его шпионской деятельности и что Леклерки не были осведомлены о характере его сношений с Голландией.

Друзья Ламбрехта сделали всё возможное, чтобы спасти его.

Послы нейтральных стран в Бельгии просили германского генерал-губернатора Бельгии Биссинга сохранить ему жизнь. Эти усилия остались тщетными.

Ламбрехт был приговорён к смерти. Он отнёсся к приговору с величавым спокойствием.

Его расстреляли 18 апреля 1916 года.

После перемирия Ламбрехт был посмертно награждён орденом Британской империи и бельгийскими орденами.

В течение 18 месяцев Ламбрехт самоотверженно служил делу союзников. Его пример вдохновил других. Его друзья поклялись отомстить за него, а из развалин его организации возникла «Белая дама». [13]

Глава II. Как была основана «Служба Мишлена»

Немцы расклеили в Льеже на стенах домов плакаты, извещавшие о казни Ламбрехта. Но они достигли обратного эффекта. Вместо того чтобы устрашить бельгийцев, они ещё сильнее разожгли в них патриотические чувства. В частности, друзья и сподвижники Ламбрехта восприняли известие об его казни как вызов. Нужен был только руководитель, чтобы заставить их действовать. Таким руководителем стал Вальтер Деве, один из двоюродных братьев Ламбрехта.

В наружности, темпераменте и образе жизни Деве не было ничего такого, что дало бы повод заподозрить в нём разведчика. Ему минуло 35 лет. Он был чиновником почтово-телеграфного управления, где выдвинулся как выдающийся инженер и блестящий организатор. Как раз накануне войны Деве назначили главным инженером Льежской телеграфной и телефонной сети.

Казнь двоюродного брата вырвала Деве из рамок размеренной, будничной жизни и окунула его в полную опасности и, возбуждения атмосферу военной разведки. Он решил продолжать работу Ламбрехта.

У Деве был широкий круг друзей. Не только в почтово-телеграфном управлении, но и в других местных предприятиях и учреждениях сложило много его бывших товарищей по Льежскому университету. Кроме того, он пользовался влиянием среди духовенства. Деве внушал доверие своим знакомым.

В оккупированной Бельгии немцы установили свирепый режим террора. Было почти невозможно бежать из страны, чтобы вступить в бельгийскую армию. Разведывательная работа оставалась единственным выходом для людей, ощущавших потребность в патриотической деятельности. Среди бельгийского населения многие были готовы пожертвовать жизнью, семьёй, имуществом, чтобы освободить родину от Немецких захватчиков. Многие из разведчиков военного Бремени, завербованных на оккупированной территории, принадлежали к виднейшим аристократическим кругам Франции и Бельгии.

Деве нашёл благоприятную почву для своей деятельности. Он вскоре собрал группу патриотов, готовых целиком [14] посвятить себя созданию разведывательной организации. Из них наиболее крупной личностью был Шовен, профессор физики при институте Монтефиоре, известном льежском инженерном высшем учебном заведении. Деве избрал Шовена соначальником новой

организации.

Эти два человека представляли резкий контраст. Деве, высокий, худой, брюнет, с небольшой бородкой, обладал суровой наружностью аскета. Сорокалетний Шовен был низенький, блондин, с длинной бородой, мягким, женственным голосом и весёлым нравом. Но оба они принадлежали к лучшим умам Льежа и знали, с чего начать свою работу.

Методы германской контрразведки не представляли больших тайн для Деве и Шовена. В течение двух лет они были свидетелями борьбы между союзной разведкой и германской тайной полицией. В одном только Льеже было расстреляно около 50 разведчиков, не говоря уже о нескольких сотнях приговорённых к различным срокам тюремного заключения. Деве и Шовен с самого начала отдавали себе отчёт в том, что для успеха дела было необходимо выработать новые методы.

Прежде всего, как того требовала логика, они изучил постановку дела в организации Ламбрехта. Деве был всецело в курсе работы своего двоюродного брата — между ними не было секретов. К тому же отец Дез-Оней, правая рука Ламбрехта, был одним из интимных друзей Деве. Систематически, шаг за шагом, была изучена вся история разведывательной группы Ламбрехта.

Было совершенно очевидным, что Ламбрехт совершил две серьёзные ошибки: он навлёк на себя арест, во-первых, тем, что выполнял сам наиболее опасную работу, во-вторых, тем, что был известен всем своим агентам.

Отсюда Деве и Шовен заключили, что те агенты, например, курьеры, которые постоянно подвержены опасности ареста, должны быть совершенно изолированы от остальной организации. Они решили разделить Бельгию на четыре сектора и каждый сектор поручить ответственному агенту, главе самостоятельной, обособленной ячейки. Связь с руководящим центром должна была осуществляться таким путём, чтобы скомпрометированную низовую организацию можно было немедленно изолировать. Отцу Дез-Онею была дана инструкция прощупать всех агентов Ламбрехта и завербовать по возможности большее число их в новую организацию. [15]

Не удовлетворившись этими мерами предосторожности, Деве и Шовен решили создать собственную контрразведку для слежки за немецкой тайной полицией. Александр Нёжан, начальник бельгийской полиции в Льеже, был деверем Шовена; к нему они и обратились за помощью. Во время оккупации бельгийская гражданская полиция сохранила свои функции и, как в мирное время, несла ответственность за пресечение уголовных преступлений.

Так как бельгийская полиция находилась под контролем немецкой тайной полиции, Нёжан знал в лицо всех немецких агентов в Льеже. Он не только снабдил Деве и Шовена их фотографиями, но, как увидим ниже, его своевременные сигналы не раз предотвращали угрожавший провал. Наконец, во многих случаях Нёжан. помогал разоблачать агентов-провокаторов, завербованных немцами из подонков бельгийского населения. Большинство арестов было делом рук провокаторов. Немца бельгийские патриоты могли узнать по наружности и акценту, но они часто попадались в западню, расставленную изменником-бельгийцем.

Новая организация нуждалась в средствах. Многие агенты могли работать без денежного пособия, но другим приходилось поддерживать семью, и нельзя было требовать от них, чтобы они бросили свою основную работу, не получив взамен других средств к существованию.

22 июня 1916 года состоялось важное совещание Деве, Шовена и Дез-Онея. Деве уведомил своих соратников, что льежский банкир Марсель Нагелмакерс согласен предоставить новой организации необходимые средства. Дез-Оней сообщил, что старые железнодорожные наблюдательные песты в Льеже и Жемеле возобновили свою работу. В этот достопамятный день была основана новая организация, её решили назвать «Службой Мишлена»; название было, по-видимому, заимствовано с объявлений о шинах фирмы Мишлен, наводнявших Бельгию накануне войны. Позднее Деве и Шовен дали своей организации новое название — «Б. 149», а впоследствии она стала именоваться «Белой дамой».

Дело налаживалось. Оставалось самое трудное и опасное — установить связь с союзниками. [16]

Глава III. Связь с союзниками установлена

В своих сношениях с внешним миром Деве и его товарищи зависели от агентов союзников в Голландии. Целый год работа не клеилась. Только благодаря мужеству, стой кости и решимости руководителей организация «Служба Мишлена» не прекратила своего существования. Представители союзной разведки в Голландии совершили достаточно ошибок, чтобы отдать «Службу Мишлена» в руки германской тайной полиции. Но организации везло, и провала не было.

Прежде всего «Служба Мишлена» связалась с французской разведкой. Помимо разведки и другой подпольной работы Дез-Оней занимался раздачей писем бельгийские солдат их родным и близким. Эти письма направлялись посредникам в Голландию, а затем пересылались на оккупированную территорию посредством барж, груженных американским продовольствием. Такой способ связи был слишком медлительным для пересылки разведывательных донесений — рейс между Роттердамом и Антверпеном часто продолжался целый месяц, — но для писем с фронта время было не столь важным фактором, а баржи представляли собой прекрасное средство маскировки. Однажды Дез-Оней получил, вместе с пачкой писем, записку от Феши, агента французской разведки в Маастрихте (Голландия), который просил его организовать разведывательную службу и обещал предоставить в его распоряжение курьеров для пересылки донесений. Таким образом, возникла возможность установить контакт с внешним миром.

Дез-Оней, не теряя времени, поспешил передать Шовену и Деве предложение Феши. Как ни желательно было им переслать донесения наблюдательных постов из Льежа к Жемеля, — а эти донесения уже начали накопляться, — Деве и Шовен колебались. Нёжан, руководивший теперь контрразведкой «Службы Мишлена», уведомил их несколько дней назад об аресте трёх французских агентов — Мари Биркель, Фокено и Крёзена. Их выдал голландец Бертрам, немецкий агент, которому удалось проникнуть во французскую разведку в Маастрихте. Деве и Шовен благоразумно отклонили предложение Феши и дали ему следующий ответ: «Ваше требование не упало на бесплодную почву. Имейте терпение». Их осторожность оказалась оправданной. Через некоторое время Снидерс, владелец [17] баржи, привезшей письмо от Феши, был арестован на границе. Правда, Феши не играл роли в этих арестах. Три задержанных французских агента не были связаны с ним, а Снидерса выдал

беженец, которого он взялся перевезти через границу.

Встревоженные арестами, руководители «Службы Мишлена» решили отправить собственного делегата в бельгийский генеральный штаб во Франции, чтобы ознакомить его с положением вещей и просить предоставить надёжного курьера для передачи донесений. Обратились к Дез-Онею с просьбой указать подходящего человека для такой поездки; он назвал Биэ, бельгийского инженера, намеревавшегося перейти границу, чтобы вступить в бельгийскую армию. Повидавшись с Биэ, Деве и Шовен решили, что это человек надёжный, и сообщили ему детали его миссии, говорились, что ежедневно, за исключением воскресений, в половине двенадцатого утра женщина в зелёной фетровой шляпе будет ожидать курьера из Голландии в церкви св. Дениса в Льеже; он подойдёт к ней с паролем «Изер», она ответит: «Золотой лев». Затем курьер из Голландии вручит ей письмо и условится о времени и месте следующей встречи. Биэ должен был известить о своём прибытии в Голландию, напечатав условное объявление в газете «Ньиве-Роттердамсе-Курант».

Был найден проводник через границу, и в одну безлунную ночь Биэ, надев резиновые носки и перчатки, благополучно перебрался через электрические провода в Голландию на участок Эйндховен. Через две недели условное объявление появилось в голландской газете.

Деве и Шовен стали ждать дальнейших событий. Через десять дней после того, как Биэ перешёл границу, женщина в зелёной шляпе принялась посещать церковь св. Дениса. Дни проходили, а курьера не было. Деве и Шовен начинали терять надежду и уже стали думать о других средствах связи с Голландией. Наконец, в воскресный день на квартиру Деве явился в его отсутствие крестьянин с письмом из Голландии. Крестьянин отказался ждать, но передал письмо жене Деве, оставив свою фамилию и адрес.

Когда Деве вернулся домой, эта новость его ошеломила и встревожила. Биэ была дана категорическая инструкция не называть людей, связанных со «Службой Мишлена», даже в бельгийском генеральном штабе. И вот фамилия и адрес Деве не только оказались известны курьеру, но были полностью написаны на конверте письма. Обыскав курьера, [18] любой немецкий сыщик мог убедиться в связи Деве с разведкой союзников. Полученное письмо было тоже самого компрометирующего характера. Вот оно:

> «В приложении вы найдете инструкции и образчики донесений, которые вы должны посылать. Чтобы

облегчить вам работу, мне поручили сотрудничать с начальником бельгийской разведки, находящимся здесь. Он будет вам известен под именем Констана. Мы вынуждены были ждать до сих пор, чтобы найти надежного человека для передачи этих инструкций и объяснить вам, каким путем ваши донесения будут пересылаться нам в будущем.

Чтобы вы не сомневались в подлинности письма, сообщат, что должен повидать «Паатье».{1}

Военные власти поручили мне передать вам следующее:

1. Поспешите с присылкой ваших первых донесений.

2. Сообщайте нам о ваших расходах ежемесячно.

3. Избегайте контакта с другими разведывательными органами союзников или их агентами.

4. Чтобы не компрометировать себя, не пытайтесь наводить справки о курьере или о том, как ваши донесения передаются нам.

5. Сообщите нам новые пароли на случай, если придется использовать другого курьера, и укажите, как ему войти в контакт с вами.

6. Сообщайте нам имена некоторых ваших агентов, — каждый раз по одному, — чтобы в случае вашего провала мы могли обратиться непосредственно к ним.

7. Мы надеемся, что вы будете в состоянии установить самостоятельные посты в Брюсселе, Намюре и Шарлеруа.

8. Если вы не узнаете моего почерка, удостоверьтесь через одного из моих друзей. С этой целью я прилагаю свою подпись на особом листке бумаги. Биэ.»

К письму были приложены инструкции и образцы донесений.

Не было ни малейших оснований заподозрить подлинность письма. Однако это ещё не доказывало, что оно не попало в руки предателя. Деве, как один из руководителей «Службы Мишлена», не мог позволить себе идти на риск, Почему курьер оставил свой адрес, вопреки инструкциям, изложенным в письме? И, прежде всего, почему он не сказал пароля, почему он не отправился на свидание в церковь св. Дениса?

Помня о ловушке, в которую попался Ламбрехт, Деве и Шовен решили на всякий случай приготовиться к самому худшему. Они уговорились, что если к Деве явятся сыщики, он будет отрицать всякое знакомство с каким бы то ни было корреспондентом в Голландии.

Через неделю, снова в воскресный день, к Деве явился тот же курьер. На этот раз Деве был дома, но отказался с ним

разговаривать. [19]

Всё же этот человек, очевидно, не был предателем: Деве не тронули. Но эта процедура показывает, как беспечны и неосторожны были разведывательные органы союзников в первый период войны. Так и осталось неизвестным, почему Биэ таким вопиющим образом нарушил данные ему инструкции, почему курьер не отправился в условленное место свиданий. Возможно, что этот крестьянин, проживавший на границе, мог отлучаться, не возбуждая подозрений соседей, только по воскресеньям, а это был как раз единственный день, когда дама в зелёной шляпе не приходила на свидание.

Время шло, и Деве, возможно, связался бы с этим курьером, если бы связь с Голландией не удалось установить, по другой линии.

Выручил организацию Бозере, один из её второстепенных членов. Через него «Служба Мишлена» установила первые регулярные сношения с внешним миром. Зять Бозере, Густав Снук, председатель «Антверпенского кредита», одного из крупнейших банков Бельгии, располагал курьером, через которого посылал финансовые документы своим иностранным корреспондентам в Голландии и Англии. Снук, человек лет пятидесяти, обладавший значительным состоянием и большой семьей, мог потерять всё, втянувшись в разведывательную работу. Тем не менее, в ответ на предложение Бозере он не только охотно предоставил своего курьера в распоряжение «Службы Мишлена», но также согласился играть роль «почтового ящика». К концу августа 1916 года первые донесения «Службы Мишлена» были вручены курьеру Снука. Они благополучно попали в руки ван-Гейзеля, представителя банка «Антверпенский кредит» в Гааге, который, в свою очередь, передал их аббату Де-Моору (по кличке «Марсель»), одному из агентов майора Камерона в Голландии. Таким образом, Деве и Шовен волей-неволей связались не с бельгийской разведкой, а с организацией, подчинённой английскому генеральному штабу.

Руководители «Службы Мишлена», наконец, почувствовали, что они могут приступить к внутренней организационной работе. Вскоре были созданы новые железнодорожные посты в Брюсселе, Намюре и Шарлеруа. Они установили наблюдение за всеми железнодорожными линиями, сходящимися в этих узлах. Дважды в неделю Снуку сдавались донесения для передачи в Голландию.

Деве и Шовен с нетерпением ждали указаний из Голландии. [20]

Правда, Дез-Оней предоставил в их распоряжение весь опыт, приобретенный им во время работы о Ламбрехтом; в

инструкциях, присланных Биэ, тоже содержались пенные указания. Всё же Деве и Шовен ждали критики своих донесений и, кроме того, вполне справедливо рассчитывали на поощрение извне.

Они ждали тщетно. Чувство подъёма уступило месте горькому разочарованию. Попадают ли их донесения в руки союзников? Они не имели об этом никакого представления. Вместе со своими агентами они каждодневно рисковали жизнью, собирая сведения, которые, быть может, не достигали назначения. Ни они, ни Снук не могли добиться ответа на письма. В конце концов, по прошествии трёх месяцев, они решили снова послать делегата в бельгийский генеральный штаб. На этот раз вызвался совершить поездку Бозере. Он тоже благополучно перебрался через электрическую изгородь. Его сопровождал тот же самый проводник, который переправил через границу Биэ.

Командировка Бозере была в высшей степени своевременной; не успел он перейти границу, как провалилась вся курьерская система Снука.

Только после войны выяснились обстоятельства этого провала. Курьер вёз донесения в Бален-сюр-Нет, маленькое бельгийское селение близ голландской границы. Здесь некая Дельфина Аленус, действовавшая в качестве «почтового ящика», передавала донесения курьеру, жившему на самой границе. Тот, в свою очередь, вручал их одному крестьянину, поля которого примыкали к проволочным заграждениям. Донесения, написанные на тонкой папироской бумаге и свёрнутые маленькими, похожими на папиросы, трубочками, прятались крестьянином в каком-нибудь сельскохозяйственном орудии. В подходящий момент крестьянин перебрасывал их через электрическую изгородь своему соседу, работавшему на голландской стороне границы.

Непрерывное наблюдение со стороны немецких часовых и тайной полиции делало эту операцию крайне опасной. По каждую сторону электрических заграждений, на расстоянии около 15 футов, находилась изгородь, препятствовавшая приближению скота к смертоносной проволоке. Донесения, засунутые в ком земли, приходилось поэтому перебрасывать на расстояние 30 шагов и на 10 футов в высоту, чтобы они могли перелететь через три препятствия. Если это проделывал бельгийский крестьянин и комок земли оказывался вне пределов досягаемости немецких [21] сыщиков, крестьянин всегда мог объяснить своё поведение желанием привлечь внимание соседа-голландца. Если бы его поймали на месте преступления, его, вероятно, выслали бы, но не смогли бы обвинить в шпионаже. Но если бы обнаружили

документ, переброшенный с противоположной стороны границы, это погубило бы крестьянина-бельгийца. Никакие отговорки не могли бы ему помочь перед лицом компрометирующей улики. Немудрено, что этот бельгийский крестьянин отказывался принимать послания из Голландии. Вот почему «Служба Мишлена» не получала ответа на свои сообщения.

Пятеро агентов, занимавшихся передачей донесений в Голландию, делали своё дело честно и хорошо. Если бы они обслуживали только «Службу Мишлена», этим каналом можно было бы пользоваться продолжительное время. Но Дельфина Аленус без ведома «Службы Мишлена» была связистом ещё некоторых других разведывательных организаций. Когда одна из них провалилась, немцы арестовали: Дельфину Аленус. Она никого не выдала, но немцы предварительно наблюдали за ней и, выследив антверпенского курьера, задержали Снука.

Снук, зная, что ни одно из донесений «Службы Мишлена» не попало в руки тайной полиции, заявил, что им пересылались через курьера лишь банковские отчёты. Умная Защита спасла ему жизнь и сбила германскую тайную полицию со следа, который вёл к «Службе. Мишлена». Организация осталась нетронутой, но снова была разобщена с Голландией.

Прибывший в Голландию Бозере связался через представителя «Антверпенского кредита» с Льевеном, представителем майора Камерона. Узнав об аресте зятя, Бозере был ошеломлён этим известием. Льевен тоже был в отчаянии: он боялся провала всей организации. Но когда Бозере узнал, что аресты начались на границе, он смог заверить Льевена, что провал будет локализован. Бозере знал, что Снук был единственным связующим звеном со «Службой Мишлена» и что Снук болтать не будет.

Льевен имел в своём распоряжении запасный пограничный пункт связи и хотел немедленно воспользоваться им для восстановления связи со «Службой Мишлена». Бозере очутился в затруднительном положении. Он не располагал явочными адресами. Ему были известны лишь адреса руководителей организации, а полученные инструкции решительно запрещали пользоваться ими. Несмотря на [22] настойчивые требования Льевена, Бозере долго отказывался дать требуемые адреса. Наконец, после новой неудачной попытки связаться с Бельгией Бозере уступил настояниям Льевена и сообщил ему адрес Дез-Онея.

Льевен послал курьера по этому адресу. Таким образом, 14 февраля 1917 г. контакт английской разведки со «Службой Мишлена» был снова восстановлен.

Выполнив свою миссию, Бозере уехал во Францию и вступил в бельгийскую армию. Проездом через Англию он имел несколько встреч с майором Камероном. Майор отметил крупные услуги, оказанные «Службой Мишлена» делу союзников.

В своём первом же письме Льевен заверил руководителей «Службы Мишлена», что все их донесения достигли английского генерального штаба. Это известие вдохновило их на новые дела. В надежде, что постоянная связь с Голландией, наконец, установлена, они приступили к значительному расширению своей работы. Были организованы новые наблюдательные посты в Арлоне, Динане и Токтре, были завербованы новые агенты, доносившие о передвижениях немецких дивизий во Фландрии, в Люксембурге, вдоль франко-бельгийской границы. Письма к Льевену и от Льевена поступали регулярно. «Служба Мишлена» состояла, наконец, в тесном контакте с английским генеральным штабом.

Всё шло гладко в течение трех месяцев. Затем руководителями «Службы Мишлена» снова овладело беспокойство. Почти год они занимали деньги на организационные расходы; это не могло продолжаться до бесконечности. Неоднократные просьбы о присылке средств Льевен оставлял без внимания. Столь же невнимательно отнёсся он к просьбе о том, чтобы участники «Службы Мишлена» были признаны военнослужащими. К тому же начальник контрразведки Нёжан предупреждал, что Леша, который заменил Дез-Онея в качестве «почтового ящика», взят под подозрение немецкой тайной полицией.

Деве и Шовен решили послать нового делегата через границу: надо было предупредить Льевена, что его курьерская система скомпрометирована, а также урегулировать с английскими или бельгийскими военными властями вопрос о средствах и о милитаризации «Службы Мишлена». Был найден подходящий делегат — бельгийский инженер Густав Лемер. В июне 1917 года он перебрался через границу на барже. [23] История повторилась. Не успел Лемер прибыть в Голландию, как немцы арестовали Дез-Онея, Леша, барона Файена и Монфора, тех членов «Службы Мишлена», которые находились в непосредственной связи с курьером Льевена.

История этого предательства — а это было предательство — долгое время оставалась тайной. Курьером, связанным с Дез-Онеем и передавшим ему первое письмо Льевена, был некто Жорж Жиленк, которому Льевен дал имя «Сен-Жорж». Дез-Оней связал Сен-Жоржа с Леши, который с этих пор играл роль «почтового ящика» «Службы Мишлена» в Льеже; через него

передавались донесения из Льежа и Жемеля. Спустя некоторое время Сен-Жоржа связали также с бароном Файеном — это был «почтовый ящик» для Брюсселя, Монса, Шарлеруа и Намюра. Монфор был курьером, доставлявшим в Льеж руководителям «Службы Мишлена» копии донесений, вручавшиеся Сен-Жоржу в Брюсселе бароном Файеном.

Эта система действовала бесперебойно в течение четырех месяцев, когда вдруг немецкая тайная полиция задержала Леша, барона Файена и Монфора; днём позже был арестован Дез-Оней. Барон Файен имел при себе в момент ареста донесения «Службы Мишлена». Монфор был арестован немного погодя. При обыске нашли в его носке несколько шпионских донесений. Леша, предупреждённый Нёжаном, не имел при себе компрометирующих документов.

Дез-Оней, совмещавший свою шпионскую активность с работой преподавателя, был арестован на уроке латинского языка. При нём было несколько компрометирующих документов. Желая выиграть время, он настоял на том, чтобы послали за директором колледжа. Один из агентов тайной полиции покинул класс, чтобы позвать директора, Дез-Оней продолжал урок; он ухитрился вложить компрометирующие документы в учебник и передать их одному из своих учеников.

Дез-Онея и Леша отвезли в Брюссель, где и начался допрос четырёх арестованных. Тайная полиция предъявила им фотографические копии всей корреспонденции Льевена и «Службы Мишлена».

После войны Льевен сделал следующее заявление:

> «Сен-Жорж был одним из моих курьеров. Он оказал исключительно важные услуги в 1916 году, проникая в некоторые из самых недоступных районов, такие, как [24] Лилль, Куртрэ и Турнэ. Соблазнённый деньгами, он продался немецкой тайной полиции в 1917 году; по его вине восемь моих агентов были расстреляны, а другие арестованы. До войны он жил в Брюсселе. Теперь он бежал в Голландию. Я передал его фотографию департаменту юстиции».

Это заявление подтверждается сведениями английской контрразведки в Голландии, получившей как раз накануне перемирия следующее сообщение:

> «Жиленк Жорж, бельгийский подданный, работает под руководством Рейтингера из бюро «С» немецкой тайной полиции в Брюсселе. Его служебный номер 43.

> Он часто пользуется фальшивым именем «Дюран». В продолжение 1917 года он работал в одной бельгийской организации, переправлявшей на оккупированную территорию письма бельгийских солдат с фронта. Рейтингер арестовал его в Антверпене и обещал ему освобождение при условии перехода на службу немецкой тайной полиции. Жиленк принял предложение. Прежде всего, он выдал нескольких бельгийцев, помогавших перебираться через голландскую границу беженцам. Затем его послали с поручением в Голландию, где он сумел внушить доверие Льерену. и вступить в его организацию. Хотя несколько человек из сустава этой организации были арестованы (Лезир, Гедуйс и др.), Льевен продолжал питать к нему доверие. Жиленк — один из лучших агентов германской контрразведки».

Предательство Сен-Жоржа (Жиленка) не подлежит сомнению. По одно загадочное обстоятельство осталось невыясненным: каким образом тайная полиция завладела фотокопиями всей корреспонденции Льевена со «Службой Мишлена»? Если бы Сен-Жорж вручал тайной полиции письма для их фотографирования, прежде чем передавать их по назначению, то полиция, несомненно, задерживала бы донесения «Службы Мишлена», причинявшие немцам неисчислимый ущерб. Далее, если арестованные члены «Службы Мишлена» находились под полицейским наблюдением в течение четырёх месяцев, многие другие члены этой организации также должны были попасть в лапы тайной полиции.

Возможно, что Сен-Жорж был двойным агентом, одинаково обманывавшим и Льевена и немцев. Он интересовался только деньгами, которые получал от обеих сторон. Если бы он предал Дез-Онея, как только Льевен вручил [25] ему первое письмо, он получил бы лишь небольшое вознаграждение за выдачу одного агента; кроме того, он был бы разоблачен в глазах Льевена. В интересах предателя было выждать, пока его не свяжут с другими членами организации. Таким образом, он обеспечивал себе крупное вознаграждение от немцев и одновременно значительные суммы от Льевена за курьерские услуги. Возможно также, что корреспонденция «Службы Мишлена» достигла немецкой тайной полиции не через Сен-Жоржа, а была выкрадена у Льевена кем-нибудь другим. Так или иначе, надёжность самого Льевена не внушает никаких сомнений; это был один из лучших представителей майора Камерона в Голландии.

На суде Дез-Оней и Леша упорно отрицали свою

причастность к. разведывательной деятельности. Немцы, надеясь, ещё использовать Сен-Жоржа как агента-провокатора, не вызывали его в качестве свидетеля. Барон Файен и Монфор отказались дать показания об источнике найденных при них донесений; к тому же по роду своих обязанностей они были изолированы от других участников «Службы Мишлена».

Дез-Оней и Леша получили относительно лёгкие приговоры: их сослали в концентрационный лагерь в Германию. Немцы не имели против них прямых улик. Барон Файен и Монфор были приговорены к 12 годам каторжных работ.

Дез-Оней имел все основания посмеяться над вынесенным ему приговором. Он был не только одним из самых ценных агентов союзников на оккупированной территории, но и участвовал с самого начала войны в разнообразной патриотической деятельности: распространял подпольную газету «Либр Бельжик», организовывал доставку писем бельгийских солдат с фронта, помогал молодежи призывного возраста перебираться через границу. Его опыт принёс неоценимую пользу «Службе Мишлена».

Этими событиями завершалась первая стадия деятельности «Службы Мишлена». Организация действовала уже целый год и в течение всего этого времени посылала через майора Камерона важные донесения английскому генеральному штабу. [26]

Часть вторая

Глава IV. Миссия Лемера

К июню 1917 года в работе органов союзной разведки в Голландии произошли значительные изменения. Французы, поняв, что конкуренция между различными органами разведки пагубна, свернули свою деятельность в Голландии; они сделали главной базой своих операций Швейцарию.

Разведывательные отделы английского адмиралтейства и английского воздушного флота отозвали часть своих представителей, а остальных предоставили в распоряжение основной британской секретной службы. Обе организации, связанные с английским генеральным штабом, — одна под руководством майора Камерона, а другая под руководством майора Уоллингера, — сперва еще продолжали действовать параллельно, но затем и они слились в один орган. Если бы война продолжалась еще несколько месяцев, этот орган наверняка был бы тоже поставлен под руководство британской секретной службы. Бельгийская разведка вследствие недостатка средств почти сошла на нет.

В этот период британская секретная служба, старая довоенная организация, расширенная в связи с войной, работала в Голландии с наибольшим успехом. Руководил ею [27] командор Тинсли, морской офицер запаса, известный в военно-морских кругах под кличкой «Т». До войны он состоял директором пароходного общества «Ураниум», правление которого находилось в Роттердаме. В начале войны начальник британской секретной службы назначил его своим представителем в Голландии. «Т» жил в Голландии много лет, был в наилучших отношениях с голландскими властями, а контора общества «Ураниум» была превосходной ширмой для тайной деятельности в нейтральной стране. «Т» имел в своём подчинении четыре отдела: военный, морской, контрразведывательный и, наконец, отдел печати, собиравший всевозможные сведения из газет, журналов и других периодических изданий, выходивших в неприятельских странах. Каждый из этих отделов был автономен и имел своего собственного начальника.

Я руководил военным отделом и всей его разведывательной деятельностью в Германии и оккупированных территориях Бельгии и Франции. Военная деятельность британской секретной службы находилась под бдительным контролем английского военного министерства, снабжавшего её средствами, а также руководящими кадрами, поэтому военный отдел британской секретной службы называли разведкой военного министерства, в

отличие от разведывательных органов генерального штаба.

По приезде в Голландию в 1916 году я очень скоро понял, что главная проблема, подлежавшая разрешению, заключалась в организации пограничной связи. Грозный барьер, воздвигнутый немцами на границе, можно было преодолеть лишь с помощью сети хорошо дисциплинированных агентов. Каждый из них должен был отвечать за организацию связи на определённом участке границы. Я также понял всю важность постоянного наблюдения за курьерами, которые уполномочены доставлять по назначению разведывательные донесения.

Мне посчастливилось заручиться услугами Моро, сына одного из высших чиновников бельгийского железнодорожного управления; я поручил ему вербовку пограничных агентов. Среди бельгийских беженцев, находившихся в Голландии, было много железнодорожных чиновников. Моро вербовал из их числа своих главных сотрудников. Эти люди ещё считали Моро-отца своим начальником, и им казалось естественным повиноваться сыну. На их честность можно было положиться. В то же время они могли оставаться [28] незамеченными в массе крестьян, контрабандистов и других обитателей и посетителей пограничных селений.

Каждому из агентов был дан номер, а Моро было присвоено имя «Орам». Договорились, что Орам будет непосредственным начальником пограничных агентов, что они будут во всём ему повиноваться, что, поселившись в определённом месте, они больше не покинут своего района. Все поклялись никому не открывать, на кого они работают, даже участникам других разведывательных органов союзников, а также не пытаться выяснять личности других агентов Орама.

Таким образом, в Голландии была создана пограничная организация, работа которой постепенно становилась всё более плодотворной. За последние два года войны мы организовали, по крайней мере, в шести местах постоянные пункты перехода голландско-бельгийской границы. Эти пункты обеспечили нам сообщение с Бельгией. Если проваливалась одна «переправа», в нашем распоряжении оставалось пять других. К тому же мы непрерывно устанавливали новые пункты перехода границы. Дисциплина, преданность и сообразительность пограничных агентов Орама, по сравнению с агентами других разведывательных органов союзников, были причиной наших успехов.

Такова была обстановка к моменту приезда в Голландию Лемера, делегата «Службы Мишлена». Он принялся разыскивать Льевена, но не смог его найти. Тогда он обратился к английскому

генеральному консулу в Роттердаме. Имя Льевена было неизвестно консульству, и Лемера, направили ко мне. Он назвал себя вымышленным именем Сен-Ламбер.

Как только посетитель упомянул о «Службе Мишлена», он всецело завладел моим вниманием. За неделю до этого я получил через одного из наших агентов в Маастрихте несколько донесений от железнодорожных наблюдательных постов в Льеже и Жемеле. Характер донесений показывал, что они исходят от какой-то хорошо налаженной организации в Бельгии. Донесения были подписаны инициалами «С. М.». Я предположил, что они исходят от разведывательной организации, утратившей свои связи с заграницей. Организации на оккупированных территориях часто не знали о том, что в Голландии существовало несколько органов разведки союзников, и их донесения попадали порой не в тот орган, которому предназначались. [29]

Уже после нескольких минут разговора с Лемером я убедился в правильности моих предположений. Я знал Льевена и мог бы направить к нему Лемера, но я также знал, какие затруднения испытывал Льевен в сношениях с Бельгией. С другой стороны, британская секретная служба имела с полдюжины пунктов перехода границы, которые она могла предоставить в распоряжение «Службы Мишлена». Для меня было ясно, как мне поступить. Я без колебания предложил прикрепить «Службу Мишлена» к нашей организации.

Мой энтузиазм оказал заметное действие на Лемера. Как вдруг он выпалил:

— Однако мы ставим два условия: во-первых, надо покрывать расходы «Службы Мишлена»; во-вторых, её члены настаивают на том, чтобы они считались на военной службе.

Я посмотрел да своего собеседника с изумлением. Каждый агент разведки на территории врага служит своей родине, подвергаясь ещё большему риску, чем солдат на линии фронта. Он стоит одиноко, лицом к лицу с опасностью, без барабанного боя и без мундира. Он не знает отпусков или передышек. Агент разведки постоянно подвергается опасности попасть под подозрение, в любой момент он может быть разоблачён, предан, арестован, подвергнут пытке и приговорён к смерти. Требование бельгийских патриотов представлялось мне естественным. Но каким образом военное министерство могло превратить бельгийских подданных в английских солдат? Каким образом могли бы зачислить их на военную службу даже бельгийские власти? Ведь сообщить их список за границу было бы слишком опасно. И, наконец, как сделать солдатами женщин? А «Служба Мишлена» насчитывала немало женщин.

Я уже собирался изложить моему собеседнику все эти доводы, когда заметил выражение решимости на его лице. Тогда я задал осторожный вопрос: каким образом он считает возможным осуществить требование «Службы Мишлена» и как, по его мнению, могут быть приведены к присяге члены организации?

— Не знаю, — ответил он. — Вам придётся самому решить эту задачу. Мне даны инструкции обратиться к бельгийским властям в Гавре, если я не добьюсь удовлетворения наших требований англичанами. [30]

Я знал, что бельгийская разведка не располагала надежными средствами сообщения на бельгийско-голландской границе. Я сомневаюсь, чтобы бельгийская разведка вообще получала к тому времени какие-либо сведения из Бельгии.

Мне представлялось возможным лишь одно решение, принять требования «Службы Мишлена» в надежде, что после войны английские власти сумеют их выполнить, и сказал Лемеру, что снесусь со своим начальником в Англии и через день-два дам ему ответ.

Но было бесполезно обсуждать полученные требования с высшими инстанциями. Я знал, что если даже военное министерство захочет исполнить просьбу «Службы Мишлена», необходимо будет получить согласие бельгийского правительства, и таким образом будет упущено много драгоценного времени. Поэтому на следующий день я с чистой совестью сказал Лемеру, что его просьба удовлетворена, и он может известить об этом своих руководителей, а я приму меры, чтобы письмо было доставлено по любому адресу, который он укажет, в Брюсселе или Льеже.

Инженер Лемер был умным человеком. Он мог бы задать мне много щекотливых вопросов и поставить меня в затруднительное положение, потребовав гарантий или официального письма от военного министерства. Но, получив от меня благоприятный ответ, он счёл вопрос исчерпанным.

Вопрос о финансах был решён быстро. Я сообщил Лемеру, что мы еженедельно будем посылать «Службе Мишлена» такую сумму, какая потребуется для покрытия всех текущих расходов; деньги же, ранее взятые взаймы у Марселя Нагелмакерса и у Филиппара (другого банкира и бельгийского патриота), будут возмещены после войны. Это обещание было исполнено: после заключения перемирия обоим банкирам было выплачено 150 тысяч долларов в бельгийской валюте.

Лемер выразил полное удовлетворение. Он написал письмо руководителям «Службы Мишлена», в котором уведомлял их о достигнутом соглашении. Одновременно он снабдил меня

адресом «почтового ящика» в Бельгии.

С этого момента руководители «Службы Мишлена» получили возможность сосредоточить своё внимание на расширении работы внутри Бельгии. Им больше не приходилось [31] заботиться о пересылке своих донесений через границу; мы обеспечивали доставку этих донесений в Голландию, по крайней мере, дважды в неделю.

Лемер оставался в Голландии достаточно долго, чтобы удостовериться, что связь между «Службой Мишлена» и разведкой английского военного министерства налажена. Так как его миссия была завершена, он отправился в Гавр, где поступил на службу в бельгийское правительственное учреждение. На прощание я взял с него обещание: до окончания войны не говорить никому ни слова о работе «Службы Мишлена». Своё обещание он выполнил.

Льевен отказался от своих связей со «Службой Мишлена» не без борьбы. Когда он узнал, что Лемер находится в Голландии и вступил в контакт со мной, он послал в Бельгию горячее письмо протеста, в котором резко нападал на разведку военного министерства. Он также всячески нажимал через майора Камерона в Фолкстоне, чтобы заставить нас отказаться от сношений со «Службой Мишлена», как вдруг стали известны подробности предательства Сен-Жоржа. Дальнейшее обсуждение вопроса отпало само собой.

После войны мне показали некоторые докладные записки Льевена. В графе «Служба Мишлена» он записал: «Украдена у меня разведкой военного министерства».

Это меня очень позабавило. Руководство «Службы Мишлена» было вольно само решать свою судьбу. Оно решило сотрудничать с той разведкой, которая обслуживала бы организацию наилучшим образом.

Голос собственника, прозвучавший в записке Льевена, весьма характерен для тех нравов, которые внесла за собой конкуренция между различными органами союзной разведки. В своем стремлении одержать верх над другими каждый из них невольно терял из виду главную цель — победу над немцами.

«Служба Мишлена» была создана её руководителями — бельгийскими патриотами. Заслуга её создания принадлежит только им, а не какой-либо из союзных разведок. На первых ступенях своего развития она находилась в контакте с французской и бельгийской разведками и через Льевена с разведывательным отделом английского генерального штаба. Для неё было большой удачей, что затем она связалась с нами, так как в тот период только мы могли дать ей полную гарантию

благополучной доставки донесений через голландско-бельгийскую границу. [32]

Глава V. Милитаризация «Белой дамы»

Начался новый период в жизни «Службы Мишлена». Прежде всего, она переменила название. Из донесений, которыми немецкая тайная полиция завладела при аресте Файена и Монфора в связи с предательством Сен-Жоржа, а также из перехваченной корреспонденции Льевена и «Службы Мишлена» немецкая тайная полиция узнала это название. Необходимо было создать представление, будто организация совершенно прекратила свою деятельность. Вот почему «Служба Мишлена» исчезла со сцены, организации стала называться «Б. 149», а затем «Белой дамой». Это последнее название было подсказано легендой о призраке белой дамы, появление которой кому-нибудь из правящих Гогенцоллернов должно было предвещать падение династии.

Деве и Шовен занялись перестройкой организации на военную ногу. На первой ступени существования «Службы Мишлена» они пытались организовать обособленные и самостоятельные ячейки с центрами в Льеже, Брюсселе, Намюре и Шарлеруа. Они намеревались даже создать отдельный «почтовый ящик» для каждой ячейки и обслужить её самостоятельной курьерской связью с Голландией. Но вскоре они убедились, что Льевен располагал только одним единственным пунктом перехода границы. К тому же отсутствие опыта заставляло руководителей ячеек непрерывно советоваться с центральным руководством. В результате удалось изолировать лишь отдельных агентов, подвергавшихся особенно крупному риску, тогда как все звенья организации продолжали оставаться тесно связанными одно с другим. В новых условиях Деве и Шовен получили возможность достигнуть с небольшими изменениями того, к чему стремились с самого начала.

Были созданы три батальона с центрами в Льеже, Намюре и Шарлеруа. Каждый батальон был разбит на роты, каждая рота — на взводы. Таким образом, намюрская ячейка превратилась во второй батальон, имевший роты в Марше, Намюре и Шимее. Маршская рота имела взводы в Марше, Арлоне и Люксембурге. По такой же схеме были построены и другие роты. Каждое из этих подразделений обслуживало район, название которого оно носило.

Четвёртый взвод каждой роты занимался исключительно сбором донесений от трёх других взводов и передачей их ротному [33] «почтовому ящику». Каждый батальон имел специальное подразделение, собиравшее донесения в ротных «почтовых

ящиках» и доставлявшее их в батальонный «почтовый ящик». Оттуда их забирал особый курьер, отвозивший их в Льеж, в «почтовый ящик» главного штаба. В Льеже имелось три таких «почтовых ящика», по одному на каждый батальон. Эти «почтовые ящики», а также обслуживавшие их курьеры были почти полностью изолированы от остальной организации. Участники курьерской службы знали только то, что имело отношение к их непосредственным обязанностям. Им было запрещено наводить справки о других членах организации.

Каждый батальон имел секретариат. В секретариате перепечатывались на пишущей машинке донесения, доставленные в батальонный «почтовый ящик» и проверенные командиром батальона. В Льеже донесения всех трёх батальонов изучались Деве и Шовеном. Затем эти донесения поступали в секретариат главного штаба, где подготовлялись к отправке в Голландию. Специальный курьер отвозил донесения из секретариата Главного штаба в пограничный «почтовый ящик». Здесь начинались функции разведки военного министерства. Мы забирали оттуда донесения и переправляли их через границу в Голландию. Работа пограничного «почтового ящика» была самой опасной в организации, и поэтому всякий соприкасавшийся с ней подвергался особенно тщательной изоляции. Перепечатка донесений на машинке преследовала двоякую цель: сокращался объём донесений и одновременно устранялась улика, какую представляла бы рукопись, если бы она была перехвачена полицией. Главный штаб состоял из двух начальников, из верховного совета в составе восьми членов, священника, отдела контрразведки, финансового отдела, отдела связи, уже упомянутого секретариата, особого отдела, обеспечивавшего бегство скомпрометированных агентов и их переброску через границу, наконец, из отдела, занятого расширением деятельности организации.

Все участники организации приносили следующую присягу:

> «Я заявляю, что вступаю солдатом в военный разведывательный корпус союзников до окончания войны. Я клянусь перед богом соблюдать это обязательство; добросовестно выполнять порученные мне задания; повиноваться моим начальникам; никому не открывать без особого разрешения что-либо касающееся [34] службы, даже в том случае, если это навлечёт смертельную угрозу на меня или моих близких; не участвовать в другой разведывательной организации, не нести никакой посторонней работы, которая могла бы

привлечь ко мне внимание или вызвать мой арест немцами».

Каждому члену организации вручался опознавательный свинцовый жетон с выгравированными на нём именем, датой и местом рождения, а также личным номером. Этот жетон полагалось немедленно зарыть в землю и не извлекать до окончания войны.

Военизация и воинская присяга повлекли за собой важные последствия. Прежде Деве и Шовен были вынуждены, перед тем как выполнить какой-либо проект, обсудить его со своими агентами. Это было связано с потерей времени и заставляло раскрывать такие организационные детали, которые следовало хранить в строжайшей тайне. Теперь рядовой агент получал приказание и выполнял его безоговорочно.

Присяга вместе с тем раз навсегда клала конец посторонней работе участников организации, например, доставке ими писем от бельгийских солдат с фронта, распространению «Либр Бельжик» и других подпольных изданий, переброске военнообязанных бельгийцев через границу и т. п. Эта посторонняя деятельность часто вела к арестам агентов и неизменно компрометировала разведывательную организацию, к которой они принадлежали.

Военизация принесла моральное удовлетворение многим военнообязанным бельгийцам, состоявшим в «Белой даме» Эти патриоты хотели быть уверенными, что ни бельгийские власти, ни общественность не осудят их после войны за то, что они не перешли границу и не вступили в ряды, армии. Наконец, опасение военного суда после заключения мира служило добавочным стимулом к молчанию для тех, кто попадал в сети немецкой полиции.

Деве и Шовен употребили всю свою изобретательность и все свои способности, чтобы обеспечить максимальную безопасность организации. Всем членам «Белой дамы» было предложено пользоваться конспиративными кличкам в своих донесениях и в сношениях с другими членами организации. Деве именовался в последовательном порядке: ван-ден-Бош, Готье и Мюрай; Шовен носил имена Бомон, Вальдор, Гранито, Бушон и Дюмон; Нёжан был известен как Пети. Мы увидим ниже, что конспиративные клички спасли Деве и Нёжана от неминуемого ареста. [35]

С величайшей предосторожностью были подобраны и обставлены обе конспиративные квартиры главного штаба. Основная квартира была идеальной во всех отношениях, она имела пять выходов: один из них вёл на улицу, другой — в сад, из

которого можно было попасть в переулок, третий — на крышу через люк в потолке и, наконец, два выхода на разных этажах вели через неприметные двери в соседний дом. В этом доме проживала безобидная старая чета, которая; никогда открыто не общалась со своими соседями. Запасная квартира имела помимо нескольких выходов тёмную комнату без окон. Эта комната была особенно полезна в тех случаях, когда собирался по ночам высший совет организации: на оккупированных территориях власти требовали, чтобы к известному часу все огни были погашены. «Белая дама» располагала также в Льеже тремя домами, где могли скрываться скомпрометированные агенты.

Арест Дез-Онея и опасность, которой подверглись Шовен и Деве вследствие своих сношений с пограничными курьерами, послужили хорошим уроком. Шовен и Деве систематически устранили все нити, связывавшие их с пограничными постами. Пограничные агенты и курьеры, знавшие руководителей организации, были заменены новыми, навербованными через надёжных посредников Опасность, порой непредвиденная, была устранена, конечно, далеко не полностью. Но в качестве начальников «Белой дамы» Деве и Шовен приняли все меры предосторожности, к которым их обязывал долг. В то же время они никогда не уклонялись от выполнения самых опасных задач, если считали себя наиболее подходящими для этого лицами.

В качестве крайней меры предосторожности мне были присланы в Голландию в зашифрованном виде имена и адреса трёх батальонных «почтовых ящиков», это давало мне возможность вступить в прямую связь с батальонами в случае провала главного штаба «Белой, дамы».

Руководимая организационным гением Деве и Шовена «Белая дама» вступила в полуторагодичную борьбу не на жизнь, а на смерть с германской тайной полицией. [36]

Глава VI. Дела и дни одного взвода

Опыт и приключения ирсонского взвода характерны для всех тридцати восьми взводов «Белой дамы». Правда, все эти взводы несли службу разведки в различных районах, но их задачи, обязанности, применявшаяся ими тех лика шпионажа и, наконец, опасности, с которыми они сталкивались, были одинаковыми. Я остановился на ирсонском взводе не потому, что его приключения увлекательнее приключений других взводов, а исключительно потому, что его история может уместиться в одной главе, так как он был основан одним из последних.

К концу августа 1917 года, когда мы уже около месяца находились в контакте с «Белой дамой», мы получили и; неё сообщение о молодом беженце-французе, скрывавшемся на одной из конспиративных квартир в Льеже. Ему были сообщены важные устные сведения для передачи нам; поэтому «Белая дама» хотела переправить его в Голландию.

Мы отнеслись к этому предложению без особого энтузиазма. Нами было предоставлено в распоряжение «Белой дамы» несколько пограничных переправ, мы снабдили, ее надёжным шифром. И мы старались положить конец системе посылки делегатов в Голландию: они подвергались риску быть пойманными. Но как это ни покажется странным, мы ещё больше опасались того, что они разболтают подробности нашей организации другим органам разведки союзников, чьё любопытство, в свою очередь, могло привлечь внимание немецкой тайной полиции.

Однако «Белая дама» настаивала на своём предложении, и мы послали Шарля Виллекенса, нашего самого надёжного проводника, чтобы провести через границу француза.

Эдмон Амиабль привлёк мои симпатии с первого взгляда. Это был молодой человек лет двадцати, среднего роста, атлетического сложения. В немногих словах он рассказал мне свою историю. Он готовился стать священником, но решил бежать с оккупированной территории, чтобы поступить в армию и служить родине с оружием в руках. Эдмон Амиабль поведал мне о трудностях, с которыми он столкнулся на пути из Ирсона в Льеж на франко-бельгийской границе. В Льеже он установил связь с «Белой дамой» через одного священника. Молодой человек почти ничего не знал о «Белой даме», но оба её [37] руководителя встретились с ним под конспиративными именами «Готье» и «Дюмон» и подробно изложили ему некоторые вопросы, по которым хотели знать моё мнение.

Когда я сидел и слушал юного патриота, прибывшего из того самого района, куда союзная разведка тщетно пыталась проникнуть в течение двух лет, у меня явилась мысль убедить его вернуться назад. Мне давно хотелось установить наблюдательный железнодорожный пост на линии Ирсон — Мезьер, важной коммуникации, проходившей параллельно германскому фронту; эта коммуникация приобретала особый интерес в связи со слухами о подготовлявшемся крупном немецком наступлении. Такой пост позволил бы нам следить на территории оккупированной Франции за районами, куда противник отводил свои войска на отдых и где он сосредоточивал свои части для наступления.

До нашей связи с «Белой дамой» мы предлагали проникнуть во Францию другим разведывательным организациям. Но особая бдительность немцев в полосе франко-бельгийской границы сводила на нет все усилия нашей разведки. Найти на месте агентов было, сравнительно, легко; трудность заключалась в доставке донесений.

Когда я поделился своими соображениями с молодым французом, он тотчас же дал согласие вернуться на родину. Однако он настаивал, чтобы я получил на это санкцию французских властей: его отец, ветеран франко-прусской войны, настаивал на поступлении сына в армию»

Генерал Букабей, французский военный атташе в Гааге, с готовностью пошёл навстречу нашим желаниям. Он принял своего юного соотечественника и благословил его на затеянное дело.

Я предпочёл бы, чтобы Амиабль располагал самостоятельной службой и отдельными курьерами для непосредственной связи с Голландией, но это было невозможно. Чтобы изолировать район, непосредственно примыкавший к линии фронта, немцы установили кордон часовых вдоль франко-бельгийской границы и следили за ней почти столь же строго, как за бельгийско-голландской границей. Для преодоления этого барьера была нужна сильная организация. Я решил поэтому безоговорочно вернуть Амиабля «Белой даме» и предоставить ей создание новой службы.

Мы присвоили Амиаблю номер А. 91 и снова поручили его нашему пограничному проводнику, надёжному и [38] бесстрашному Виллекенсу. С его помощью Эдмон Амиабль благополучно вернулся в Льеж.

Деве и Шовен. с радостью взялись за создание новой службы. Незадолго до этого они решили сформировать роту «Белой дамы» в районе Шимей. Одним из четырёх взводов этой роты отлично

мог бы стать ирсонский взвод. Поскольку дело касалось организации не только ирсонского взвода, но и целой роты, Шовен решил сопровождать А. 91 к месту его назначения.

29 августа 1917 г. Шовен и А.91 прибыли в Намюр, в штаб батальона «Белой дамы». Аббат Филиппе, командир второго батальона, которому предполагалось придать шимейскую роту, снабдил их рекомендательным письмом к своему другу Гилену Анотье, на которого можно было положиться.

Два дня спустя А.91 и Шовен, скрывавший свою личность под конспиративным именем Дюмон, прибыли в Шимей. А. 91 отправился оттуда на поиски проводника в Макон, деревню, расположенную в двух милях от франко-бельгийской границы. Тем временем Дюмон явился к Анотье. Этот человек в течение двух лет работал в одной из старых разведывательных организаций, в так называемой «Службе Бископса», случайно утратившей свои связи с Голландией. Он встретил Дюмона с распростёртыми объятиями. С помощью Анотье удалось не только установить «почтовый ящик» в Шимее, но и завербовать двух курьеров — одного для связи между Шимеем и французской границей, другого — для связи между Шимеем и батальонным «почтовым ящиком» в Намюре.

Со своей стороны А.91, после нескольких бесплодных попыток найти проводника через франко-бельгийекуго границу, обратился за содействием к другу своего детства Анатолю Гобо, который учительствовал в деревне Макон и был организатором кооператива по производству деревянных башмаков (сабо). Смелый и решительный, он был руководителем местных патриотов с первых же дней оккупации. Не удивительно, что когда А.91 рассказал ему, что ищет помощника, он ответил:

— Этим человеком буду я, Эдмон. Я никому не уступлю чести служить родине.

Вот рассказ Гобо о приключениях агента А. 91 и Дюмона на границе:

«Цель обоих путников заключалась в том, чтобы перебраться через границу и достигнуть Трелона, где проживал [39] отец А. 91. Предстояло пройти всего 7 километров, но переход был чрезвычайно опасен. Местность была подрыта густым лесом, в котором были расставлены бесчисленные немецкие часовые и сыщики с собаками-ищейками. При первом же оклике путник был обязан остановиться и предъявить свой пограничный пропуск, который выдавался немецкими властями лишь в исключительных случаях. Попытка к бегству влекла за собой смерть от пули часового.

Немцы имели все основания тщательно оберегать этот район.

В Трелоне был расположен замок де-Мерод, где часто помещалась ставка кайзера; там же находился штаб одной из немецких армий. В 15 километрах оттуда лежал Ирсон, главный узел немецкой железнодорожной сети за линией фронта.

Я поручил А.91 и Дюмона моему другу Моро, проживавшему по ту сторону границы и время от времени проскальзывавшему через неё, чтобы закупить продовольствие для своей семьи. Моро с радостью согласился взять на себя роль проводника и заодно выразил согласие вступить в «Белую даму» в качестве пограничного курьера.

Восемь часов пробило на сельских часах, когда все трое, одетые рабочими, отправились в путь. Моро, знавший каждую тропинку в лесу, быстро привёл их к границе. Он так умело указывал дорогу, что они не повстречали часовых. В окрестностях Трелона Моро расстался со своими спутниками: они находились уже недалеко от дома Амиаблей.

Неожиданно у лесной опушки оба путника очутились лицом к лицу с несколькими немецкими солдатами. Солдаты стояли так близко, что было бесполезно пытаться бежать — беглецов неминуемо застрелили бы. Оставалось только спокойно продолжать путь в надежде на то, что их примут за жителей села. Спокойный вид пешеходов оказал своё действие; они благополучно миновали группу солдат и уже находились шагах в тридцати от неё, когда один из немцев крикнул: «Хальт!»

Словно не расслышав окрика, Дюмон и А. 91 ускорили шаги. Раздались новые крики: «Хальт, хальт!», затем послышался свист пули. Они бросились к придорожной изгороди, А.91 — налево, Дюмон — направо. Несколько солдат бросились за Дюмоном. Он перемахнул через изгородь и притаился во рву. Солдаты пробежали мимо, не заметив его. В темноте Дюмону послышались [40] звуки борьбы, и он решил, что солдаты поймали его товарища.

В продолжение часа Дюмон не шевелился и обдумывал своё положение. Сперва он хотел разыскать дом Амиаблей, но его уверенность в аресте юноши была так сильна, что он отбросил эту мысль: в доме его могла ожидать тайная полиция. Оставался лишь один выход — вернуться через границу в Бельгию.

Под покровом мрака и дождя Дюмону посчастливилось достичь Макона. Он был в ужасающем виде: его лицо и руки были исцарапаны кустарником, одежда промокла до нитки. Таким я нашёл его на рассвете у своих входных дверей. Я уложил его спать и приготовил ему сухую одежду. Через несколько часов мы поехали в коляске в Шимей. Вместе с Анотье я выслушал волнующий рассказ о ночных приключениях, и мы втроём

принялись оплакивать судьбу А.91.

Что случилось за это время с А.91? Он тоже перескочил через изгородь и скрылся в кустах шагах в пятидесяти. Боясь пошевелиться, он слышал, как немецкие солдаты разговаривали между собой, недоумевая, куда девались беглецы. Только к полуночи он добрался до отчего дома. Всю ночь Амиабли в тревоге ждали прихода Дюмона, а с наступлением утра отказались от надежды его когда-либо увидеть. Арест Дюмона казался им несомненным.

А.91 рассказал отцу, с какой миссией он вернулся домой. Отец, ветеран франко-прусской войны, не раздумывая, согласился; организовать взвод «Белой дамы» в Ирсоне. По совету родных юноша решил немедленно вернуться в Бельгию, ведь в родном селе всем было известно, что он собирался вступить во французскую армию.

На следующую ночь, с помощью Моро, А.91 без дальнейших приключений явился ко мне в Макон. Велика была его радость, когда он узнал о благополучном возвращении Дюмона. Но ещё больше обрадовался и удивился Дюмон, когда А. 91 предстал перед ним в Шимее.

Таковы, в передаче Гобо, приключения, предшествовавшие образованию ирсонского взвода.

Амиабль старший, принявший конспиративную кличку «Пьер», посетил соседнее селение Фурми. Здесь проживал Феликс Латуш («Доминик»), бывший железнодорожный служащий Северной компании. У Доминика были свои счёты с немцами: в первый период оккупации они в принудительном [41] порядке заставили его работать на железной: дороге, угрожая в противном случае выслать его самого и его семью. Доминик с радостью согласился присоединиться к «Белой даме».

Из жилища Доминика, расположенного у железнодорожного полотна, можно было превосходно наблюдать за воинскими поездами. С помощью жены и подростков-сестер, 14 и 13 лет, бывший железнодорожный служащий организовал образцовый наблюдательный пост на линии Ирсон — Мезьер.

Так осуществилась давнишняя мечта союзной разведки. В скромной семье Доминика все принимали участие в наблюдении за проходившими поездами. Днём это делали обе девочки, глядевшие через щель в тяжёлых оконных шторах. По ночам на посту сменялись сам Доминик и его жена. Донесения, написанные условным языком, вкладывались в полую ручку кухонной метлы. Пост начал работать 23 сентября 1917 года, и до самого перемирия ни один поезд не прошёл неотмеченным по этой важной немецкой железнодорожной артерии.

Пьер продолжал вербовать агентов. Какой опасности он при этом подвергался, может понять только человек, участвовавший в разведывательной работе. Он ограничил список вербуемых агентов немногими избранными, которых читал достаточно способными и надёжными для предстоявшей работы. И всё же он подвергался немалому риску: приходилось остерегаться не столько предательства, сколько болтовни, которая могла достичь ушей одного из многочисленных немецких агентов-провокаторов.

В Глажоне, лежавшем на полпути между Трелоном и Фурми, Пьер завербовал своего первого агента, Кресильона — служащего лесопильного завода, реквизированного немецкими войсками. При лесопилке работала мастерская сапёрного имущества, изготовлявшая штурмовые лестницы для форсирования проволочных заграждений, подножные дощатые настилы для окопов, противотанковые мины, различное окопное оборудование. В мастерскую приезжали за материалами команды из различных дивизий. Эти команды и давали Кресильону пищу для наблюдений. Вскоре у него вошло в привычку запоминать номера полков и собирать всевозможную иную военную информацию. Кресильон стал одним из основных работников ирсонского взвода. [42] В дополнение к этой ценной работе Кресильон взял на себя также обязанности «почтового ящика» и курьера. Донесения из Фурми, Авена и других пунктов стекались в его дом и регулярно, два раза в неделю, отвозились им в Грелон и вручались Пьеру, Далее Моро переправлял их через границу в Макон. Опасаясь привлечь внимание немцев частыми встречами с Пьером, Кресильон постепенно передал свои курьерские обязанности жене-акушерке. Ей много приходилось ходить по окрестным деревням, и немцам не приходило в голову, что она скрывает в своём корсете разведывательные донесения.

Невзирая на опасности, курьеры бесперебойно несли свою службу днём и ночью, во всякую погоду. Из числа курьеров особую преданность своему делу обнаружила Эглангин Лефевр. Когда кайзер переносил свою ставку в замок де-Мерод, возле Трелона, все дороги охранялись немцами с удвоенной энергией. В эти периоды Эглангин Лефевр относила донесение в ночную пору, пробираясь напрямик через леса и поля. Она записала свое имя в анналы ирсонского взвода, пожертвовав жизнью во имя долга: заболев испанкой, она, несмотря на высокую температуру, доставила пачку донесений в Трелон. Добравшись до дома Пьера, Эглантин Лефевр лишилась сознания и умерла на следующий день.

Общая численность ирсонского взвода достигла 50 человек. Весь сектор Трелон — Глажон — Фурми — Авен был покрыт

невидимой агентурной сетью, улавливавшей изо дня в день все движения немцев. В феврале 1918 года мы получили от ирсонского взвода важнейшие указания о том, что немцы собираются начать с этого участка большое наступление.

Но, несмотря на все героические усилия, Пьер долго не мог охватить своей сетью самый город Ирсон. Собственно, он уже проник туда и даже сумел создать наблюдательные посты для контроля над этим важным железнодорожным узлом, но ему никак не удавалось найти курьера для трудного участка пути Ирсон — Трелон. Выручил Гобо.

Однажды двое рабочих, жителей Ирсона, обратились к Гобо с просьбой помочь им бежать и иступить во французскую армию. Гобо предложил им вступить в ряды «Белой дамы». Один из них согласился. Ему было присвоено конспиративное имя «Жозе». Гобо вернул его в Ирсон и предложил ему наладить курьерскую службу между Ирсоном и Маконом. Однако понадобилась личная поездка Гобо [43] в Ирсон, чтобы окончательно наладить там работу. В сопровождении своего близкого друга Дельшамбра он посетил Ирсон в первых числах января 1918 года. Там ему удалось завербовать в помощь Жозе ещё двух агентов. Гобо и Дельшамбр задержались в Ирсоне до тех пор, пока не убедились, что новые наблюдательные посты прочно связаны с Пьером через «почтовый ящик» в Глажоне.

Радуясь успеху своей миссии, Гобо и Дельшамбр пустились в обратный путь. Они уже приближались к бельгийской границе, когда внезапно во мраке раздался хорошо знакомый возглас: «Хальт!» Надо было спасаться бегством. Но два немецких патрульных были молодые парни. Темнота и деревья мешали им стрелять, зато они оказались отличными бегунами. Гобо и его спутник попытались залечь в кусты, чтобы переждать опасность. Не слыша звука шагов, немцы принялись шарить по кустам. Друзья вскочили и ухватились за их винтовки; в последовавшей борьбе один из немцев прокусил до самой кости палец Гобо. Неповреждённой рукой силач Гобо ударил противника с такой силой, что тот лишился сознания. Затем Гобо поспешил на помощь Дельшамбру и ударил второго солдата прикладом винтовки по голове. Освободившись от преследователей, друзья снова бросились бежать и вскоре благополучно достигли Макона.

Гобо лечил прокушенный палец несколько недель. В беседе со мной после заключения мира он философически заметил, что «ради наблюдательных постов в Ирсоне стоило помучиться». Однако ему приходилось скрываться до полного заживления пальца: немецкая тайная полиция долго искала человека с пораненным пальцем. Следует оговориться, что рукопашные

схватки были редкостью в практике «Белой дамы». Они случались лишь на границах, где наши агенты из числа контрабандистов и браконьеров сразу хватались за нож или револьвер. Как правило, попытка физического сопротивления немцам не имела шансов на успех. Агентам «Белой дамы» приходилось рассчитывать в своей борьбе не на силу, а на хитрость.

Ирсонский взвод действовал бесперебойно до самого окончания войны. Немцы не арестовали из его среды ни одного человека. Это поистине замечательное достижение перед лицом строжайшего надзора со стороны оккупационных властей. Ирсонский взвод в значительной мере [44] обязан своими успехами умелому руководству Пьера. Горячий патриотизм и взаимная привязанность вдохновляли весь личный состав взвода.

Замечательной чертой в практике не только ирсонского взвода, но и всей «Белой дамы» было сотрудничество в организации целых семейств. Муж, жена, дети — каждый вкладывал свою лепту в общее дело.

Что касается основателя ирсонского взвода Амиабля-младшего, то по возвращении в Льеж он в течение ряда недель ревностно проверял донесения нового подразделения «Белой дамы» и с радостью следил за его постепенным ростом. Трехмесячный отпуск, предоставленный ему генералом Букабеем, пришёл к концу. Шарль Виллекенс снова благополучно доставил его в Голландию. Молодой Амиабль трижды перебирался через заграждения на голландско-бельгийской границе — это само по себе было героическим подвигом. Впоследствии он поступил рядовым во французскую армию.

Глава VII. Служба связи

Эти свёрнутые в трубочку листки тончайшей папиросной бумаги несли во время немецкой оккупации жизнь и смерть. Они содержали сведения, которые любой ценой нужно было переправить в Голландию, Для тайной полиции они представляли улику, необходимую для поимки и осуждения шпионов.

«Белая дама» покрыла сетью своих агентов всю Бельгию и большую часть оккупированной Франции. Десятки курьеров, рискуя жизнью, ежедневно совершали путь от одного «почтового ящика» к другому.

Задача заключалась в том, чтобы искусно прятать документы, в случае необходимости быстро и незаметно избавляться от них. Для этого курьеры пользовались множеством приёмов. Самый излюбленный из них сводился к безобидной тросточке, ничем не отличавшейся по виду от сотен других. Разница лишь в том, что тросточки курьеров «Белой дамы» были полыми. Деве и Шовен знали в Льеже человека, замечательно изготовлявшего такие трости: их рукоятки отвинчивались, и в полом пространстве можно было спрятать до шести свёртков, содержавших каждый, по меньшей мере, 25 страниц машинописи. Как [45] ни странно, немцы ни разу не обнаружили секрета этих тросточек. Другой распространённый приём заключался том, чтобы прятать свёрток донесений в маленькую, но тяжелую металлическую трубку грязновато-коричневого цвета. Такие трубки употреблялись главным образом местными курьерами, которым не приходилось переносить за один приём много донесений. Засунутая в рукав такая трубка могла быть брошена в любой момент, не привлекая чьего-либо внимания.

Я расскажу случай с Жюльеттой, юной девушкой, несшей курьерскую службу «Белой дамы» между Льежем и Намюром. Если бы её документы были захвачены немцами, её приговорили бы к смертной казни.

Однажды Жюльетта прибыла в Намюр. При выходе с перрона, где проверялись билеты и удостоверения личности, она услышала резкий окрик: «Пожалуйте сюда!» Эти слова имели для неё страшный смысл: они угрожали ей обыском. Ей хотелось избавиться от маленького компрометирующего свёртка, зашитого в кусочек чёрного сукна. Но это было невозможно: немец не спускал с неё глаз.

Лихорадочно размышляя о том, как спастись, Жюльетта шла в помещение, указанное ей сыщиком. Победа! Она заметила паровое отопление и быстрым движением засунула за него свой

свёрток. Теперь она была спокойна. Она объяснила, что приехала в Льеж к больной родственнице. Оставался обыск. Её пригласили в соседнюю комнату, и здесь какая-то немка раздела её догола, вывернула наизнанку её сумочку, тщательно рассмотрела её платье, вспарывая кое-где швы. Ничего не найдя, её отпустили на все четыре стороны.

Жюльетта медленно оделась и вышла в смежную комнату. Комната была пуста, перрон свободен: пассажирский поезд уже ушёл. Быстро выхватив свой свёрток из-за парового отопления, она спокойным шагом покинула вокзал. Курьерам «Белой дамы» сплошь и рядом приходилось сталкиваться с такими опасностями. Но особому риску они подвергались на бельгийско-голландской границе. Немцы знали так же хорошо, как и мы, что без связи с внешним миром разведка на оккупированных территориях была лишена всякого значения. Донесения теряли цену, если не доставлялись своевременно генеральным штабам союзников. Поэтому на границе велась смертельная борьба. Почти все организации союзной разведки, действовавшие на [46] оккупированных территориях, за время войны были разгромлены в результате провалов на границе.

Разведка военного министерства, взявшая на себя наладить доставку донесений «Белой дамы» через бельгийско-голландскую границу, выполняла своё обязательство. Об этом свидетельствует следующий перечень пунктов перехода границы, предоставленных ею в распоряжение «Белой дамы».

Пункт I. Его «почтовый ящик» находился в Льеже. Этот пункт действовал с июля 1917 года до декабря 1917 года. Его пришлось закрыть в связи с арестом нескольких курьеров, замешанных в проводе беженцев через границу.

Пункт II. Его «почтовый ящик» находился сперва в Гасселте, а затем в Тонгре. Он действовал с декабри 1917 года до мая 1918 года, когда его также пришлось закрыть. Пункт III. Его «почтовый ящик» находился в Льеже. Он действовал сперва в качестве запасного пункта; с августа 1917 года до января 1918 года через него пересылались донесения.

12 января один из курьеров, обслуживавших этот пункт, был арестован по подозрению в шпионаже. Его освободили через 21 день, и пункт был восстановлен в сентябре 1918 года. Он просуществовал до заключения перемирия. Пункт IV был запасным для пересылки ложных донесений. «Белая дама» ни разу им не воспользовалась.

Пункт V. Его «почтовый ящик» находился в Антверпене. Он действовал в качестве запасного пункта с декабря 1917 года до апреля 1918 года. В апреле один из курьеров этого пункта был

арестован, и его пришлось закрыть.

Пункт VI. Его «почтовый ящик» сперва находился в Маасейке, а затем в Гасселте. Пункт действовал в качестве запасного с июля 1917 года до марта 1918 года, когда был переключён на действительную службу. В течение семи месяцев через этот пункт регулярно, дважды в неделю, поступали донесения «Белой дамы». 1 октября 1918 г. все его работники были внезапно арестованы тайной полицией; одновременно была захвачена целая пачка донесений «Белой дамы».

Пункт VII. Его «почтовый ящик» находился сперва в Брюсселе, затем в Гасселте. Он действовал с августа 1918 года до заключения перемирия. [47]

Чтобы сохранить пункты перехода границы от неустанной бдительности немцев, требовались хитрость, преданность и дружное сотрудничество пяти-шести мужчин и женщин, обслуживавших каждый пункт. Огромная заслуга принадлежит также Ораму и его группе пограничных агентов, работавших на всём протяжении голландской границы: они не только создали каждый из этих пунктов, но и наблюдали днём и ночью за обслуживающими его агентами.

Одна из стоявших перед нами величайших трудностей заключалась в том, чтобы постоянно держать в состоянии готовности запасные пункты перехода границы. В противоположность агентам «Белой дамы», на оккупированных землях большинство пограничных агентов обоего пола работало за плату. Мы, правда, могли бы нанимать их совместно с какой-нибудь другой разведывательной организацией, независимой от «Белой дамы». Но таким путём мы как раз и установили бы тот контакт с другими органами союзной разведки, которого было решено избегать. Чтобы загрузить работой запасные пункты, приходилось пересылать через них либо копии донесений, либо ложные донесения. Это был дорогой способ для обеспечения резервной связи, но он окупал себя в случае провалов.

На границе приходилось пользоваться людьми самого различного типа. У нас на службе были, например, контрабандисты Тильман и сын, которые при своих поездках с контрабандой по реке Маас никогда не забывали захватить пакетик с донесениями «Белой дамы». Затем имелась целая группа отважных проводников. Сильные, быстрые, бесстрашные, вооружённые ножами и револьверами, они были грозой немецких часовых и сыщиков. В мирное время они были контрабандистами и браконьерами и потому знали каждый дюйм на границе. Когда возникла необходимость переправлять через границу беженцев, а также корреспонденцию солдат с фронта и, наконец,

разведывательные донесения, эти люди, естественно взялись за это дело. Каждый из них был предан в большей степени своей банде, чем своей стране. Но среди них нам посчастливилось найти двух наших самых ценных агентов — Шарля Виллекенса и Леопольда Тулена.

Шарлю Виллекенсу мы обязаны столь многим, что находимся в неоплатном долгу перед ним. Нужно ли было провести разведчика через электрические заграждения или вывести из Бельгии скомпрометированного агента, — он всегда выручал нас. Ценным помощником ему был Леопольд Тулен. [48]

Тулену мы обязаны пунктом перехода границы Люйксгестеле, через который мы впервые установили сношения с «Белой дамой». Среди завербованных им курьеров был ловкий кондуктор пригородной железной дороги Льеж — Остгам. Он бросал свёрток с донесениями на полном ходу поезда другому агенту Тулена, скрывавшемуся в высокой траве близ определенного перекрестка дороги. Иногда он бросал свой сверток вместе с остатками пищи, иногда завёртывал его в старую газету.

Часто пункты перехода границы обслуживались кем-нибудь из местных крестьян. Под маской деревенского тупоумия они скрывали хитрость, вводившую в заблуждение немцев. Даже в случае арестов при них ничего не находили. Донесения были спрятаны в комках земли, в клубнях на картофельном поле. Бумаги оставались зарытыми вплоть до того момента, когда являлась возможность одним быстрым движением извлечь их из потайного места и перебросить через проволоку голландскому крестьянину-сообщнику по другую сторону границы.

Деве и Шовен с их склонностью к изобретательству подумывали об использовании радио или о проведении тайной телефонной связи с Голландией.

Шовен производил серьезные опыты в области радио, но при слабом развитии радиодела того времени он не мог достигнуть необходимой портативности передатчика, Рассказывая о прошлом, Шовен любил вспоминать, как он однажды забыл пакет с радиоприёмником собственного изготовления под сиденьем в трамвае. Заметив свою потерю, он опрометью бросился вдогонку за уходившим вагоном. Немецкого офицера, стоявшего на задней площадке, очень позабавил бородатый человек средних лет, бежавший за вагоном, как школьник; офицер издавал одобрительные возгласы и даже собственноручно помог Шовену достать пакет из-под сиденья. «Конечно, — добавлял Шовен, — мне следовало махнуть рукой на пакет, но я потрудился несколько дней над приёмником, мне не хотелось его бросать, и я забыл об осторожности».

С ещё большим усердием Деве и Шовен трудились над проектом прокладки телефонной линии. Сперва они рассчитывали проложить подземный провод в Голландию. После долгих поисков близ границы, в районе Гасселта, был найден дом, где могли поместиться телефонисты. Но трудности, связанные с прокладкой провода под пограничными заграждениями, оказались непреодолимыми. В отчаянной [49] попытке добиться цели был убит электрическим током один из агентов «Белой дамы», Дандримон. Скрепя сердце, пришлось отказаться от дальнейших попыток в этой области.

Но Шовен не мог расстаться со своей идеей; у него возник новый план. План этот был построен, исходя из того принципа, что разговоры по телефонному проводу, проложенному под землёй, могут перехватываться другой установкой, если её проводка проходит параллельно первой. В районе Маастрихта, на бельгийско-голландской границе, Шовен нашёл то, что искал. Пограничным рубежом служит здесь река Маас. Надеясь на водную преграду, немцы несколько ослабили надзор за этим участком. Шовен нашёл в этом районе два подходящих домика, расположенных в 100 ярдах один от другого; между ними можно было провести подземный телефонный провод. По другую сторону границы, на голландской стороне, находилось крупное имение, принадлежавшее одному голландцу, известному своими пробельгийскими симпатиями. Представитель «Белой дамы» позондировал этого голландца и заручился его согласием на прокладку второй телефонной линии, а также на выселение из имения всех лишних людей, во избежание посторонних любопытных глаз.

Боюсь, что если план Шовена не был осуществлён на практике, то это моя вина. Я нисколько не сомневался, что установка будет работать — мы таким путём перехватывали телефонные разговоры немцев на фронте. Но донесения «Белой дамы» доставлялись в Голландию курьерской службой регулярно, и я опасался новшеств. Поэтому, хотя я и выписал из Англии необходимую телефонную аппаратуру, я колебался воспользоваться ею. Деве и Шовен настаивали на своём, но к тому времени было заключено перемирие.

В своей переписке с «Белой дамой» мы постоянно принимали необходимые меры предосторожности. В донесениях никогда не указывались источники информации, а особо важных случаях мы прибегали к шифру.

Различные важные центры оккупированной территории обозначались в донесениях цифрами: Льеж обозначался цифрой 0, Намюр — цифрой 40, Брюссель — 100, Шимей — 10, Фурми —

200 и т. д. Подобным же образом обозначались наблюдательные железнодорожные посты. Например, пять намюрских постов были обозначены цифрами от 41 до 45 включительно. [50]

Имена, адреса и организационные детали редко доверялись бумаге. Если это и приходилось делать, мы прибегали к шифру. «Белая дама» пользовалась при шифровке каким-либо общеизвестным или легко запоминающимся текстом. Так, например, в течение некоторого времени она пользовалась для этого молитвой «Отче наш». Каждая буква изображалась двумя цифрами, разделёнными запятой. Первая цифра указывала положение соответствующего слова в тексте, вторая — положение буквы в слове. Таким образом; буква «е» могла быть изображена цифрами 1,4; 3,3 или другими комбинациями цифр. Буквы, не содержавшиеся в тексте, обозначались специальной комбинацией цифр, которую приходилось заучивать на память. В молитве «Отче наш» не хватает всего пяти букв алфавита.

Чтобы усложнить систему шифровки, время от времени меняли текст. Порой «Белая дама» остроумно пользовалась печатными инструкциями на оборотной стороне удостоверения личности. По приказу немцев, жители всегда должны были иметь при себе эти удостоверения; таким образом, шифр был всегда налицо. Неудобство этой системы шифровки заключалось в том, что единое слово предателя дало бы немцам ключ к шифру.

В сношениях между «Белой дамой» и разведкой английского военного министерства в Голландии была установлена гораздо более сложная шифровальная система. Она заключалась в комбинации карманного словаря и столбца произвольно взятых цифр, записанных на узкой полоске картона, которая по длине соответствовала размеру страницы в словаре. Полоску картона прикладывали к страницам словаря с таким расчётом, чтобы против каждой цифры приходилось какое-нибудь слово. Чтобы зашифровать, например, слово «здесь», его нужно было найти в словаре, скажем, на странице 434; затем полоска картона прикладывалась к странице, и мы искали цифру, стоявшую против слова «здесь»; допустим, что эта цифра была 49, тогда цифра кода для слова «здесь» получалась 495431. Шифр мог быть усложнён путём умножения полученной цифры на какой-нибудь общий множитель, а также путём сложения с каким-нибудь определённым числом или вычитания из него. Таким образом, шифр был настолько сложен, что мог считаться не поддающимся расшифровке без ключа. Для обозначения фамилий, адресов и военных терминов, отсутствующих в словаре, мы пользовались сеткой [51] из вертикальных и горизонтальных линий. Так, если буква «а» приходилась на первую черту по горизонтали и на

третью по вертикали, она обозначалась цифрой 13, к которой прибавлялись четыре произвольных цифры, чтобы получилось шестизначное число. Специальное шестизначное число указывало в шифре на переход от словаря к сетке. Все эти условия страховали нас от разгадки шифра.

После принятия всех этих мер предосторожности оставалось позаботиться о том, чтобы случайные аресты среди пограничных агентов не распространялись на всю организацию «Белой дамы» через «почтовые ящики», С этой целью «Белая дама» возложила на свой отдел контрразведки, возглавляемый Нёжаном, связь с пограничными «почтовыми ящиками». Нёжану и его помощникам были знакомы подробности работы немецкой тайной полиции, как и настроения пограничного населения.

Будучи всегда начеку, Нёжан и его люди, наблюдавшие за «почтовыми ящиками», быстро обнаруживали ту предварительную слежку, которая постоянно предшествовала арестам. Передача донесений «Белой дамы» из секретариата этой организации в «почтовые ящики» поручалась одному из участников контрразведывательного отдела Нёжана. Как только возникали малейшие опасения насчёт возможности арестов, этот единственный представитель «Белой дамы», известный обслуживающему персоналу «почтовых ящиков», немедленно укрывался в надежном убежище. Это ответственное поручение выполнял Сюрлемон, известный под кличкой «Леон».

Так было обеспечено спокойствие на долгие месяцы. На границе случались аресты. Но обычно это были удары вслепую: например, задерживали лиц, слишком часто появлявшихся подле пограничных заграждений. Нередко немцы задерживали наших агентов, занимавшихся, помимо основной работы, передачей почты с фронта или помогавших скрываться беженцам. Хотя мы категорически запрещали нашим агентам такую побочную работу, многие из них поддавались искушению дополнительно заработать.

Принятые нами меры предосторожности вполне себя оправдывали. Как мы расскажем ниже, незадолго до заключения перемирия немецкая тайная полиция перехватила на границе донесения «Белой дамы». Началось энергичное следствие, и только мудрая осторожность спасла «Белую даму» от, казалось, неминуемого разгрома. [52]

Глава VIII. Немецкая тайная полиция

Заглянем теперь за кулисы немецкого лагеря, чтобы получить представление о силах, боровшихся против «Белой дамы».

Германская контрразведка на оккупированных территориях была подчинена военным властям. Ею занимались две организации: тайная полевая полиция (Geheime Feldpolizei) и центральное полицейское управление (Zentralpolizeistelle).

Тайная полевая полиция была полицией германских действующих частей. Поскольку расположение немецких армий оставалось неизменным в течение почти всей войны, каждая часть тайной полевой полиции ведала определённым районом. Так, например, тайная полевая полиция 4-й германской армии действовала в районе Гента, тайная полевая полиция 7-й армии — в районе Лилля. В своей совокупности эти районы составляли фронтовой тыл. Органы полевой тайной полиции при различных армейских штабах подчинялись центральному бюро, руководившему их деятельностью. Начальником этого бюро, главой всей полевой тайной полиции, был Бауэр. Его управление находилось при германском генеральном штабе в Шарлевилле.

Центральное полицейское управление помешалось в Брюсселе и находилось при штабе германского генерал-губернатора фон-Биссинга. Оно действовало на той части оккупированной территории, которая не входила в сферу тайной полевой полиции, т. е. во всех тыловых районах Бельгии, в частности в районах, прилегавших к бельгийско-голландской границе. Центральное полицейское управление контролировалось не только штабом генерал-губернатора, но и полковником Николаи, руководителем всей германской военной разведки. Управление полковника Николаи составляло секцию III-Б германского главного генерального штаба. Начальником центрального полицейского управления в Бельгии был капитан Имгоф, занимавшийся главным образом административными делами; контрразведывательная работа возглавлялась капитаном Кольмейером. Большинство арестов наших разведчиков в. Бельгии было произведено центральным полицейским управлением, а не тайной полевой полицией. Это объясняется тем, что и зона бельгийско-голландской границы и руководящие центры [53] всех организаций союзной разведки находились в районе действия центрального полицейского управления.

Территория, состоявшая под наблюдением центрального полицейского управления, была разбита на четыре округа: Антверпенский, Лимбургский, Намюрский и Брабантский.

Окружные отделы центрального полицейского управления в свою очередь распадались на ряд местных полицейских управлений или постов тайной полиции. Обычно «Белая дама» сталкивалась с постами тайной полиции, находившимися в Льеже, Брюсселе и Антверпене.

Начальником полицейского управления в Льеже был лейтенант Ландверлен, о котором мы уже упоминали в связи с арестом Ламбрехта. Мне ещё придётся говорить о нём ниже. В Брюсселе было три поста тайной полиции; они назывались секциями «А», «В» и «С».

Немецкая тайная полиция действовала в четырёх направлениях: слежка на границе; контроль над населением с помощью суровых полицейских законов; наблюдение за внутренними районами оккупированной территории и, наконец, использование предателей. Заряжённые электричеством проволочные заграждения на бельгийско-голландской границе и умелая слежка позволяли немецкой тайной полиции либо арестовывать разведчиков при попытке перейти границу, либо отрезать их от базы в Голландии.

В глубинных районах страны немецкая полиция ввела удостоверения личности и пропуска даже для поездок на ближние расстояния. Немцы широко практиковали также обыски в домах, внезапные облавы на железнодорожных станциях, в кафе, трамваях, на улицах. Иногда поддельное удостоверение личности или отсутствие пропуска на Проезд становилось отправной точкой для следствия, приводившего к разоблачению разведчика. Особенно строгое наблюдение было установлено во всех военных центрах, где тотчас же арестовывались лица, вызывавшие малейшее подозрение. Все дома, где могли быть установлены наблюдательные железнодорожные посты, находились под тщательным присмотром.

Но тайная полиция была достаточно сообразительна, чтобы понять недостаточность одних этих мер. Население вскоре научилось распознавать сыщиков из числа самих немцев, даже тех, которые перед войной годами жили в Бельгии или во Франции и выдавали себя за бельгийцев или французов. Тогда немцы прибегли к орудию, бывшему в ходу с незапамятных времён, — к использованию агентов-провокаторов. [54] Эти предатели, навербованные из подонков французского и бельгийского населения, были виновниками арестов, по крайней мере, в девяноста случаях из ста. Всякий, даже самый мелкий, полицейский пост располагал пятью-шестью осведомителями, шпионившими за своими соседями и прислушивавшимися ко всевозможным слухам. Подчас даже безобидный слух приводил к

аресту того или иного лица. Аресты, конечно, всегда производились полицейскими, а личность провокатора по возможности скрывалась.

Агенты-провокаторы действовали успешно на всей территории Бельгии, но самый богатый урожай они снимали в Голландии. Здесь органы союзной разведки, отрезанные от оккупированной территории и непрерывно подстёгиваемые своими штабами в Англии и по Франции, часто попадались на удочку этих предателей. Нередко в разведывательные органы союзников являлись подосланные немцами личности с донесениями, перехваченными при аресте пограничного курьера; провокаторы, пользуясь перехваченными документами, пытались втереться в доверие и заменить арестованного. Легко вообразить, к каким трагическим последствиям приводил удавшийся обман.

Когда тайная полиция обнаруживала разведчика, она не сразу предпринимала арест, а следила за своей жертвой до тех пор, пока не выявляла её связей. Сыщики устраивали засаду в доме подозреваемого лица; и всякий, кто имел несчастье явиться в этот дом, должен был доказать свою невиновность прежде, чем ему возвращали свободу. По отношению к арестованным применялись методы «третьей степени»: наркотические средства, бесконечные допросы и, наконец, пытки. Провокаторы действовали и в тюрьмах. Измученный пытками заключённый часто становился лёгкой добычей для этих негодяев, выдававших себя за его товарищей по несчастью или за священников.

В качестве примера я приведу историю одного из таких провокаторов. Почти все они были французами или бельгийцами, но я расскажу о немце Гансе Глимме, так как он был самым зловредным из них.

Однажды утром, в конце 1916 года, лейтенант Берган, стоявший во главе полицейского поста «В» в Брюсселе, передал своему помощнику Пинкгофу на расследование донесение осведомителя. Сперва Пинкгоф не проявил особого интереса к этому донесению. Осведомитель обвинял Дольна, начальника бельгийской полиции в Аудергеме, [55] в содействии беженцам, стремившимся перебраться в Голландию. Пинкгоф подумал, что какой-нибудь бывший заключённый пытается свести счёты с начальником полиции. Расследование было поручено одному из второстепенных агентов.

Однако события приняли неожиданный оборот. Агент вернулся к Пинкгофу с сенсационным известием, что донесение соответствует действительности и что в доме Дольна скрывается бежавший из плена русский офицер, граф Иван Потоцкий. Пинкгоф немедленно взялся за дело. Дом был взят под

наблюдение, а Дольн и «русский граф» были арестованы.

При последовавшем допросе «граф Потоцкий», к крайнему изумлению Дольна, объявил себя Гансом Глиммом, дезертиром из германской армии. Он выдал себя за русского, чтобы внушить симпатию Дольну и заручиться его помощью.

Но «граф Потоцкий», высокопоставленный русский офицер, представлял для Пинкгофа гораздо больший интерес, чем Ганс Глимм, дезертир. Поэтому арестованный был привлечён к ответственности и заключён в брюссельскую тюрьму Сен-Жиль в качестве графа. Однако вскоре обнаружилось, что Глимм бесспорно является немецким дезертиром, сыном начальника станции в маленьком городке близ Берлина. Тогда Пинкгоф решил: раз Глимм сумел провести Дольна, он будет нам полезен в качестве агента-провокатора. Ничего лучшего Глимм и не требовал: ему представлялась возможность заслужить прощение немецких военных властей, а главное, он всё же достигал своей первоначальной цели — избегнуть службы на передовых позициях.

Глимм был низенький, коренастый брюнет, с выдающимися скулами, орлиным носом, маленькими усиками и аристократическими манерами. В течение нескольких лет он работал в Париже официантом и отлично изучил французский язык. Немудрено, что ему удавалось выдавать себя за француза.

Его стали подсылать к заключённым в роли священника. Он внимательно выслушивал всяческие признания и всегда охотно брался передать на волю письмо или устное Сообщение. Иной раз он появлялся в камере в качестве своего брата-заключённого. В таких случаях перед тем, как водворить его — камеру, раздавались звуки ударов, стоны и возгласы: «грязный шпион!» [56]

Многие заключённые попадались на эту удочку. Лишь те, которые были знакомы с методами тайной полиции, награждали «заключённого» бранью или попросту отказывались разговаривать с ним. Число жертв Ганса Глимма росло. Однажды начальство в Брюсселе даже одолжило его антверпенской тайной полиции. Услуги этого провокатора оплачивались хорошо. Если ему удавалось раскрыть целую группу, его мзда достигала тысячи марок. Но сливки снимал сам Пинкгоф. Его пожаловали «железным крестом», а потом назначили начальником тайной полиции в Бухаресте.

И другие немецкие сыщики, владевшие французским языком, не без успеха выдавали себя за французов или бельгийцев. Примером может служить Жан Бюртар. Эльзасец по происхождению, он жил в Париже много лет и даже мог свободно

изъясняться на парижском арго. Неудивительно, что еще накануне войны он был завербован в немецкую тайную полицию. В 1913 году он выкрал в одном из фортов Вердена снаряд секретной конструкции, введённый тогда во французской артиллерии. Это был смелый акт. В то время как его сообщник отвлёк внимание часового, стоявшего у склада с боеприпасами, Бюртар проскользнул в склад и сумел похитить снаряд. В начале войны Бюртар был послан с секретным поручением во Францию, но, скомпрометированный там, был переведён в Брюссель. С 1915 года он работал в брюссельской полиции, в секции «А», под руководством лейтенанта Шмидта. Действуя под вымышленными именами Поля Форстера и Поля Лефевра, Бюртар выдавал себя за бельгийца, обладающего обширными связями в Голландии. Он вошёл в доверие к мэру одного из крупных городов оккупированной Франции и получил большой подряд на закупки в Голландии. Вооружённый официальным письмом от мэра с печатью муниципалитета и немецкой проездной визой, полученной якобы по ходатайству мэра, Бюртар появился в Голландии, где документы открыли ему доступ в органы союзной разведки. О последовавших арестах я расскажу в другой главе.

В Антверпене немцы содержали специальную школу шпионажа и пункт по вербовке агентов, засылаемых в союзные страны. Немецкая контрразведка покрыла своей сетью всю оккупированную территорию: в каждом селении имелся полицейский пост. На содержании тайной полиции состояло несколько тысяч агентов. Таковы были внушительные [57] размеры аппарата германской контрразведки. Он был достаточно велик, чтобы наблюдать за несколькими миллионами бельгийского населения.

Нередко немецкой тайной полиции удавалось наносить Чувствительные удары органам союзной разведки, но порой она делала грубые ошибки. Ей мешали отсутствие должного сотрудничества и конкуренция между различными полицейскими управлениями. Каждое из них стремилось выслужиться и было склонно действовать на свой страх и риск. Такая же рознь существовала между всеми тремя секциями тайной полиции в Брюсселе. Часто немецкую полицию обманывали «двойные агенты», работавшие одновременно для обеих сторон: не всегда можно полагаться на информацию, купленную за деньги.

Глава IX. За тюремными стенами

Вернёмся назад, к началу 1916 года, когда произошли события, сыгравшие важную роль в истории «Белой дамы». Речь идёт об истории Мари Биркель, Фокено и Крёзена.

Имена Фокено и Крёзена были хорошо известны немецкой тайной полиции уже в начале войны. Оба они доставили много хлопот немцам не только в качестве разведчиков, но и в качестве диверсантов. Во главе небольшой группы смельчаков они взрывали мосты и создавали постоянную угрозу немецким часовым на путях сообщения в Бельгии. Несколько участников этой группы было арестовано, а остальные бежали через границу в Голландию. Поступив во французскую разведку, Фокено и Крёзен стали организаторами разведки на оккупированных территориях.

Эти люди хорошо сработались. Несмотря на различие характеров и внешности, они дополняли друг друга. Француз Фокено, брюнет, невысокого роста, казался на первый взгляд хилым и болезненным, но его спокойное, умное лицо свидетельствовало о большом самообладании. Бельгиец Крёзен, великан, атлетического сложения, отличался железной решимостью и тонким умом.

Германская армия штурмовала Верден; генерал Жоффр подготовлял наступление на Сомме. В этот период союзники получали очень мало донесений от своих разведчиков [58] на оккупированной территории. Французская разведка требовала от Фокено и Крёзена энергичных действий.

Как раз тогда прибыла в Голландию юная французская учительница Мари Биркель. Вместе с другими беженцами её направили к Фокено для опроса. Фокено был восхищён её серьёзностью, хладнокровием, смелостью её побега из Ирсона. Она вызвалась вернуться на родину в качестве разведчицы. Фокено колебался: ему не хотелось посылать девушку навстречу новым, еще большим опасностям. Но Мари стояла на своём, Крёзен её поддержал. Скрепя сердце, Фокено согласился. Мари обещала организовать наблюдательный железнодорожный пост на линии Ирсон — Мезьер; союзная разведка уже давно к этому стремилась.

Однако Фокено и Крёзен поторопились. Лучшие проводники французской разведки находились в это время в Бельгии, свободным был лишь голландец Бертрам, контрабандист из района Маастрихта. Фокено и Крёзен знали, что не следовало давать ответственного поручения неиспытанному лицу. Но через

пару суток должны были наступить лунные ночи, и они решили не откладывать дела. Таким образом, Мари была поручена Бертраму, который взялся провести её через пограничные заграждения в Лье. И действительно, он перевёл ее через границу, но с ведома немецкой тайной полиции.

В Льеже Мари быстро убедилась в том, что она выдана и что за ней следят сыщики. Она проявила исключительную осторожность. Ей был известен адрес «почтового ящика» в Льеже, откуда Фокено обещал забирать её донесения. Все её заботы свелись к тому, чтобы не выдать этой явки. Поняв, что сама не может рассчитывать на спасенье, она спокойно ожидала ареста в маленькой гостинице, и которой остановилась. Слежка ни к чему не привела, но Мари была арестована и заключена в льежскую тюрьму Сен-Леонар. Немцы пытались вырвать у француженки нужные им сведения, но Мари стойко молчала.

Впрочем, Кольмейер, начальник немецкой контрразведки в Брюсселе, решил поймать с помощью Бертрама более крупную дичь. По истечении месяца, когда снова наступили безлунные ночи, Бертрам получил поручение вернуться в Голландию. В случае успеха ему была обещана большая сумма.

Бертрам нагло принес Фокено письмо из Бельгии. В этом письме курьер, связывавший льежский «почтовый ящик» Фокено [59] с границей, сообщал об исчезновении Мари. Фокено и Крёзен могли предполагать только то, что она арестована. Фокено был особенно взволнован участью Мари и обвинял себя в том, что доверил её неиспытанному проводнику-голландцу.

— Что вы сделали с девушкой, которую я вам поручил? — угрожающе спросил Фокено Бертрама. — Отчего вы не доставили ее в Льеж? Бертрам повернулся к выходу.

— Если вы мне не верите, — угрюмо огрызнулся он, — Я уйду.

Фокено знал, что его единственная надежда узнать что-то о судьбе Мари связана с этим человеком. Он вернул его с порога.

— Мы ничего не знаем о девушке, — сказал он, — я тревожусь за неё; не обращайте внимания на мои слова.

Бертрам заранее приготовил целую историю. Он рассказал, будто бы при расставании дал ей адрес маленького кафе в Льеже, владелец которого состоял его компаньоном. (Проводники брали по 500 франков с каждого человека, доставлявшегося ими через границу, и у них всегда был компаньон, находивший им клиентов.) Девушка, по словам Бертрама, появилась в льежском кафе три дня назад и просила доставить её к границе. Она ничем не объяснила своего появления, и он не стал задавать ей никаких вопросов. Проводник напомнил Фокено, что тот сам не велел ему

спрашивать её о чём-либо или наводить о ней справки стороной. Сейчас Мари якобы скрывается поблизости от границы, и в эту ночь назначила Фокено и Крёзену свидание у проволочных заграждений.

Фокено и Крёзен теперь уже подозревали Бертрама в иных проделках, но они не могли попросту отмахнуться от его истории. К тому же Бертрам обещал, что свидание состоится по эту сторону границы, а на голландской территории они чувствовали себя в безопасности.

В ночь на 30 июня 1915 года Фокено и Крёзен предприняли роковую поездку на границу. Обещанное свидание должно было состояться возле деревни Эйсден, в маленькой роще у самых проволочных заграждений. Когда они добрались в темноте до этого глухого места, они почуяли что-то неладное. Но не успели схватиться за свои пистолеты, как были оглушены ударами по голове. Немецкие агенты, поджидавшие свои жертвы в кустах, в одно мгновение перетащили их через границу. Так произошло [60] грубое нарушение голландского нейтралитета, но немецкую контрразведку оно не беспокоило: ведь единственными свидетелями пограничной схватки были немецкие агенты.

Кольмейер не подозревал, что в льежской тюрьме Сен-Леонар Фокено и Крёзен наделают гораздо больше вреда немцам, чем в Голландии.

Прежде всего, узники решили сообщить голландскому правительству, что их арест был связан с нарушением голландского нейтралитета. Но как передать такое сообщение из тюрьмы?

Тюрьма Сен-Леонар была разделена на два отделения: в одном находились уголовные, арестованные бельгийской полицией, другое предназначалось для политических заключённых, арестованных немецкой тайной полицией. Пища для обоих отделений приготовлялась на общей кухне. Одним из поваров был Жозеф Х., приговорённый к пяти годам тюремного заключения за кражу. Вместе со сторожем-немцем он обходил камеры и через решётку передавал пищу заключённым, немного погодя он приходил за посудой. Однажды Крёзену удалось за спиной тюремщика объяснить знаками Жозефу, что в недоеденном куске хлеба спрятана записка. Жозеф был, возможно, не совсем чист на руку, но он оказался добрым патриотом. Письмо попало в руки бельгийской монахини Мелани, имевшей в качестве духовного лица доступ к заключённым женщинам. Эта благородная женщина передала письмо голландскому генеральному консулу в Брюсселе.

Тем временем немцы судили Фокено и Крёзена за старые

дела. Оба были приговорены к смертной казни. Крёзена даже успели перевести в Шартрёз, один из фортов льежской крепости, где обычно приводились в исполнение смертные приговоры. Он написал прощальные письма близким и даже увидел в окно своей камеры привезенный для него гроб. За шесть часов до назначенного срока, однако, приговор был приостановлен в связи с протестом голландского правительства. Сестра Мелани вовремя выполнила свою миссию! Крёзен был переведён обратно в тюрьму Сен-Леонар.

На месте Фокено и Крёзена нашлось бы немало людей, которые после таких испытаний стали бы образцовыми заключёнными, терпеливо ожидающими своего освобождения по окончании войны. Но Фокено и Крёзен поступили иначе. [61]

Среди немецких тюремщиков был солдат польского происхождения. Немцы обычно остерегались таких солдат; боясь измены с их стороны, они старались найти им применение подальше от передовых позиций. В данном случае такие опасения оказались оправданными. Солдат тюремной охраны Мариан Щесицкий был недоволен своим вынужденным пребыванием в рядах немецкой армии. Вскоре Фокено и Крёзен обнаружили, что Мариан Щесицкий готов стать их сообщником. Через него была установлена регулярная связь с двумя сестрами Веймерскирш, владелицами католической книжной лавки на улице Норне, в которой продавались, наряду с молитвенниками, Библиями и церковная утварь. Одна из сестёр была недавно освобождена из тюрьмы Сен-Леонар, где пробыла шесть месяцев в связи с обвинением в антигерманской пропаганде. В тюрьме она познакомилась с монахиней Мелани, Мари Биркель и Марианом Щесицким.

Бельгийцы — усердные католики, и «Белая дама» недаром походила на религиозный орден. Через книжную лавку сестёр Веймерскирш Фокено и Крёзен вошли в прикосновение с «Белой дамой». Обе сестры оказались участницами этой организации.

Человеку непосвящённому такой контакт между разведывательной организацией и двумя заключёнными, очутившимися в руках немцев, покажется верхом безумия. А между тем заключённые Фокено и Крёзен стали почти незаменимым звеном «Белой дамы».

К этому времени «Белая дама» разрослась и раскинула свою сеть по всей оккупированной территории Бельгии и Франции; в её состав входило уже свыше тысячи членов. Многие из них подверглись аресту; двое были расстреляны; четыре приговорены к смерти, но помилованы; восемь человек приговорены к пожизненным каторжным работам; пятеро сосланы; ряд

заключённых находился к моменту перемирия в ожидании суда. Большинство арестованных участков «Белой дамы» прошло через тюрьму Сен-Леонар. Фокено и Крёзен имели возможность сообщать «Белой даме» обстоятельства, связанные с арестами её агентов, и оповещать её в случае необходимости о захвате полицией компрометирующих документов.

Эти сведения позволяли «Белой даме» своевременно изолировать свои скомпрометированные подразделения; подобная мера не раз спасала всю организацию от верного разгрома. Именно через Фокено и Крёзена «Белая дама» [62] узнала все подробности предательства Сен-Жоржа. Тайная полиция, разумеется, никогда не предъявила бы Дез-Оней и другим арестованным фотокопий перехваченной корреспонденции, знай она, что об этом тотчас же станет известно за стенами тюрьмы.

Значительное количество тюремных приговоров по сравнению со смертными приговорами, вынесенных агентам «Белой дамы», красноречиво свидетельствует о том, что защита арестованных была на должной высоте. С помощью тайной переписки через Фокено и Крёзена заключённые пользовались компетентной юридической консультацией. Ознакомившись с обстоятельствами ареста, «Белая дама» подробно инструктировала каждого заключённого о том, что отвечать на допросах. Благодаря этому заключённым нередко удавалось провести немцев.

Но Фокено и Крёзен, состояли в тайной переписке не только с «Белой дамой». Они переписывались и с храброй Мари, содержавшейся в женском отделении тюрьме Монахиня Мелани и поляк Мариан охотно служили посредниками. Мелани было разрешено дважды в неделю посещать тюремные камеры. И хотя при этом постоянно присутствовал солдат немецкой охраны, Мари и самоотверженная Мелани научились ловко передавать друг другу записки. Вскоре Мари стала играть среди заключённых женщин ту же роль, какую Фокено и Крёзен играли в мужском отделении тюрьмы. Минуя Фокено и Крёзена, она установила прямую связь с «Белой дамой» через Мелани и Жюльетту Дельрюаль, дочь бельгийского директора уголовного отделения тюрьмы. Часто «Белая дама» получала подробный отчёт об аресте своей участницы уже в течение суток после её заключения в тюрьму Сен-Леонар. В срочных случаях Мари спускала на верёвке в ночное время из окна своей камеры на первом этаже записку Жюльетте Дельрюаль, спокойно прогуливавшейся в тюремном саду.

Мелани передавала корреспонденцию с риском для жизни.

Она же тайком проносила заключенным пищу и оказывала им моральную поддержку. Впоследствии она была скомпрометирована, но вовремя скрылась. «Белая дама» помогла ей бежать в Голландию. Мелани перебралась через границу, спрятанная в трюме баржи. [63]

Глава X. Подвиги шимейской роты

Несмотря на столкновения с тайной полицией, разведывательная работа «Белой дамы» продолжалась днём и ночью. Мне хотелось бы дать читателю представление о работе разведчиков, поэтому я расскажу о некоторых эпизодах деятельности шимейской роты, последней из девяти рот, организованных «Белой дамой».

Дело было незадолго до организации ирсонского взвода, союзники еще не располагали железнодорожным наблюдательным постом на линии Ирсон — Мезьер. Французский генеральный штаб делал отчаянные усилия, чтобы организовать наблюдение за передвижениями немецких войск по этой важной магистрали. Соответствующие попытки органов союзной разведки в Голландии не имели успеха. Осталось одно — забросить разведчика в тыл противника на парашюте, в надежде, что ему удастся наладить дело на месте.

Два человека взялись выполнить это опасное поручение: опытный унтер-офицер запаса лётчик Пьер Обижу и рядовой Валтье, вызвавшийся прыгнуть с парашютом. Незадолго до рассвета Обижу и Валтье поднялись с аэродрома близ Жоншери. Валтье должен был спуститься Синьи-л'Аббе, близ Ретеля, своей родной деревни. Там он и предполагал организовать с помощью своих друзей наблюдательные посты и курьерскую связь. В те дни ночной полёт ещё был рискованным предприятием. В воздухе Обижу заблудился. Обнаружив, что он почти израсходовал горючее, он убедился, что ему не достигнуть французских позиций. Пришлось решиться на вынужденную посадку. Земля была окутана плотным предрассветным туманом. Однако пилоту сопутствовало счастье. Он сделал посадку в поле, и хотя самолёт налетел на проволочные заграждения, пилот, и пассажир остались целы и невредимы. Оглушенные посадкой, они ещё не совсем пришли в себя, когда увидели сквозь туман двух бежавших к ним немецких солдат. Обижу открыл огонь из своего пулемета. В мгновенье ока оба француза зажгли самолёт и кинулись в соседнюю рощу.

Они не имели представления, где очутились. Лес тянулся на расстоянии нескольких акров. Противник обнаружил самолёт, и следовало опасаться облавы. Приятели остроумно решили остаться там, где были, в каких-нибудь 100 ярдах [64] от места посадки самолёта. Это смелое решение было их спасением: обыскав на скорую руку рощу и пройдя вплотную возле кустов, где скрывались беглецы, немцы удалились. Два дня и одну ночь

Обижу и Валтье провели в лесу без еды и питья. На вторые сутки с наступление темноты, шатаясь от изнурения и усталости, они постучались в двери стоявшего неподалеку крестьянского дома.

Крестьянин и его семья сидели за ужином. Друзья напрямик сказали им:

— Мы французские лётчики. Нас разыскивают боши. Можете ли вы нас укрыть?

Внешний вид беглецов подтверждал их заявление: красноречивее слов был их затравленный, голодный вид. Как и предполагал Обижу, немцы уже обыскали этот дом накануне.

Так беглецы нашли приют в усадьбе Гастона Лафонтена в Бурле, возле Шимея.

Лафонтен и его жена, мужественные бельгийцы, раньше оказывали помощь многим французским солдатам. В частности, они укрыли у себя нескольких солдат во время о наступления 1914 года. Агенты тайной полиции не раз подвергали обыску усадьбу Лафонтена.

Убедившись, что они очутились среди патриотов, Валтье открыл им свою секретную миссию, Лафонтен спрятал обоих французов в амбаре, а сам пошёл посоветоваться с монахинями в Шимейский монастырь. Немцы заняли монастырь под госпиталь, но монахини принимали активное участие в подпольной патриотической деятельности.

Роза Лебрен, она же сестра Мари-Мелани, узнала от Лафонтена о миссии Валтье. В это время «Белая дама» создавала свою шимейскую роту, и Роза недавно в неё вступила. Она направила Лафонтена к командиру взвода Грилену Анотье.

Анотье немедленно встретился с Валтье и вызвался создать наблюдательные посты в Ирсоне. Кроме того, Анотье взялся содействовать бегству обоих французов через голландскую границу. Валтье и Обижу колебались.

Анотье настаивал:

— Ведь немцы всё ещё разыскивают вас. Вам приходится прятаться, и вы лишены возможности приносить какую-нибудь пользу. Какой же смысл оставаться здесь?

Ему удалось уговорить французов; дав им проводника, он отправил их в путь к голландской границе. [65]

Но по дороге Валтье раздумал. Он получил приказ создать пост на линии Ирсон — Мезьер и теперь решил оставаться на месте до тех пор, пока дело не будет налажено, хотя бы это стоило ему жизни. Валтье и Обижу пошли в обратный путь, и через пять дней, к изумлению Лафонтена, снова стояли на пороге его дома.

В последующие недели Валтье и Обижу удалось организовать

наблюдательные посты в Ирсоне и наладить доставку донесений через Мари-Мелани. Сделав своё дело, они со спокойной совестью решили вернуться в ряды действующей армии. Но счастье не всегда сопутствует смелым. На границе их арестовали. Они сказались французскими лётчиками, пояснив, что туман заставил их снизиться за линией германских позиций. Немцы отправили их в качестве военнопленных в концентрационный лагерь.

Донесения от наблюдательных постов, организованных Валтье и Обижу в Ирсоне, поступали в течение двух недель. Затем связь с ними оборвалась. Но за это время «Белая дама» организовала собственные наблюдательные посты на линии Ирсон — Мезьер. Вплоть до самого перемирия ирсонский взвод и шимейская рота бесперебойно продолжали работу, столь смело начатую Валтье и Обижу.

Немецкий военный госпиталь, о котором упоминалось ранее, водворился в женском монастыре в Шимее против воли монахинь. Раненых обслуживали немецкие врачи, сиделки и санитары. Монахини полностью использовали широкие разведывательные возможности, открывшиеся перед ними в связи с организацией госпиталя. Гобо, командир шимейской роты, и Анотье, командир взвода, завербовали в ряды «Белой дамы» двух монахинь — Мари-Мелани и Мари-Каролину.

Эти умные и изобретательные женщины стали отличными разведчицами. Им, правда, не разрешалось ухаживать за ранеными, но выздоравливающие офицеры и солдаты, бродя по территории монастыря, часто вступали с ними в беседу. Монахини содержали маленькую лавку, где продавали почтовые открытки и другие мелочи. В этой лавке охотно собирались немцы. Раненые и больные поступали в госпиталь из различных дивизий, стоявших на передовых позициях. Английскому Генеральному штабу было очень важно установить дислокацию этих дивизий. На фронте приходилось изо дня в день жертвовать жизнью солдат, отправлявшихся на разведку для выяснения этих данных; между тем Мари-Мелани и Мари-Каролина [66] достигали той же цели без особого риска. Редкое донесение из Шимея не содержало сведений о месторасположении одной-двух неприятельских дивизий.

Но это было не всё. Донесения монахинь заключали самую разностороннюю информацию о военной активности противника. Например, в госпитале находился на излечении офицер штаба принца Эйтеля-Фридриха. Он сломал себе ногу, упав с лошади. Этот офицер жаловался, что ему не удастся принять участия в «большом наступлении», и проболтался, что оно состоится в марте и развернётся в Альбертском секторе. Конечно, он

разболтал эти сведения не сразу; монахиням пришлось выуживать их из разговоров в течение нескольких дней. Только таким образом умные женщины пришли к нужному выводу. Их сообщение явилось ценным подтверждением сведений, полученных нами от наблюдательных железнодорожных постов и из отчётов ирсонского взвода.

Мари-Мелани и Мари-Каролина получали важные сведения не только от немцев. Иногда источником их информации были беженцы. Во многих случаях разведчицы приходили к интересным выводам, сопоставляя сведения из обоих источников.

Как раз в это время большая немецкая пушка «Большая Берта» начала обстреливать Париж, и немецкие сводки изобиловали подробностями обстрела. Один из раненых солдат, находившихся в госпитале, хвастливо заявил, что немцы подвезут на фронты сотни таких пушек. Мари-Мелани вся превратилась в слух.

— Вряд ли возможно, чтобы пушки стреляли так далеко, — спокойно заметила она.

Солдат стал уверять, что собственными глазами видел такую дальнобойную пушку на участке Лана. Это случайное замечание дало важную нить в руки сообразительной разведчицы. Три недели назад один французский беженец из деревни Крепи-ан-Ланнуа останавливался в монастыре. Он рассказал, что немцы выслали всех жителей его деревни. По его словам, немцы собирались разместить в этом районе артиллерию.

— Откуда вам это известно? — спросила Мари-Мелани, желая уточнить факты.

— Они соорудили возле усадьбы Дандри бетонные площадки для орудий и склады боеприпасов, — ответил беженец. [67]

Сопоставив оба сообщения, Мари-Мелани сообщила свой вывод Анотье. Тот передал его командиру роты. Как мы уже убедились, Гобо был человеком быстрых решений. Он решил послать специального человека в усадьбу Дандри. Это было опасным предприятием, так как все жители были высланы, и в опустевшей местности бросалось в глаза каждое штатское лицо. Гобо убедил вернуться одного из высланных. Совершая переходы по ночам и скрываясь в дневное время, посланец вернулся через трое суток. Он видел своими глазами гигантскую пушку.

Ещё через три дня мне было передано об этом в Голландию. Через одного из наших агентов в Германии мы уже узнали подробности испытания нового дальнобойного орудия на побережье Гельголанда. Это позволило мне передать исчерпывающие донесения полковнику Оппенгейму, английскому военному атташе в Гааге, передававшему по телеграфу

ежедневную сводку всех наших донесений английским военным властям...

О Гобо я мог бы рассказать много интересного. В качестве руководителя шимейской роты он обязан был по возможности беречь себя; но это было невозможно для человека с его темпераментом. Однажды он пробрался сквозь кордон часовых на аэродром в Бурле и срезал там кусок дерева с макета танка в доказательство того, что немцы применяют такие макеты в целях камуфляжа. В другой раз Гобо выкрал в одной из гостиниц в Шимее планшет немецкого лётчика. В планшете оказались ценнейшие карты, на которых были помечены все аэродромы противника на Значительном участке западного фронта.

Шимейская рота имела взводы в Шимее, Ирсоне и Шарлеруа, четвёртый взвод был взводом связи. Гобо был слишком искушён в разведывательной работе, чтобы вступать в личное соприкосновение с рядовыми членами организации. Но он считал своим долгом лично контролировать работу наблюдательных постов, разъездных агентов и других основных сотрудников в своём районе. В качестве руководителя кооператива по производству сабо он имел разрешение на поездки по округу. Но это разрешение имело силу только на бельгийской территории. Между тем, он решил пробраться в оккупированную Францию, где действовал ирсонский взвод.

Гобо купил небольшой участок Нёмонского леса, расположенного как раз по ту сторону границы, и поселил там нескольких членов своего кооператива. На этом основании [68] немецкая комендатура в Трелоне выдала ему официальный пропуск на посещение района Нёмонского леса. Попав за границу, не так трудно было пробраться в соседние районы. Однажды, находясь в Трелоне, Гобо был задержан агентом тайной полиции.

— Куда вы идёте? — спросил агент. — Ваш паспорт? Гобо быстро придумал план поведения. Он предъявил пропуск.

— Ваш пропуск действителен только для Нёмона, а вы очутились в Трелоне, — сказал агент. — Вам придётся отправиться со мной в комендатуру.

— Туда-то я и шёл, — объявил Гобо.

Агент проводил Гобо в комендатуру, к дежурному офицеру.

— Итак, что вам угодно? — строго спросил офицер.

— Да я насчёт пропуска, — ответил Гобо, снова предъявляя свой документ. — Часовой на границе заявил, что мой пропуск недействителен, так как печать поставлена не там, где следует.

Офицер проверил пропуск.

— Часовой — дурак, — заметил он.

— Возможно, — ответил Гобо. — Но я не могу пререкаться с

ним.

Печать на пропуске была, в самом деле, поставлена неудачно. Офицер приложил новую печать и вернул документ Гобо.

Находчивость и самообладание и на этот раз спасли разведчика от провала.

Глава XI. Жанна Дельвэд

После предательства Сен-Жоржа прошло несколько месяцев без новых арестов. Эта передышка позволила Деве и Шовену полностью перестроить работу на основе милитаризации. Вся Бельгия уже была покрыта агентурной сетью «Белой дамы». Они решили перейти к организации сети в оккупированной Франции, в частности в ближнем тылу германского фронта. Но тут снова настали тревожные дни. Как это случалось и прежде, источник опасности не имел ничего общего с разведывательной работой «Белой дамы.

Жанна Дельвэд и её младшая сестра почти с самого начала войны помогали молодым патриотам призывного возраста, [69] желавшим перейти границу и вступить в бельгийскую армию. Молодых людей приходилось собирать в каком-нибудь пограничном городке. Там им порой приходилось укрываться неделями, до тех пор, пока не появлялась возможность отправить их с проводником через проволочные заграждения на границе или спрятать в трюме баржи, отплывавшей в Голландию. Иногда случалось даже направлять очередную группу патриотов в Голландию через германскую территорию: на немецко-голландской границе не было электрических заграждений, и надзор был менее строг. Вступив в «Белую даму», Жанна Дельвэд отказалась от прежней работы. К несчастью, несколько участников организации, к которой она принадлежала ранее, были внезапно арестованы, и она была скомпрометирована. Полиция уже заключила в тюрьму её сестру.

Нельзя было терять времени. «Белая дама» сочла необходимым немедленно отправить её в Голландию. Жанна Дельвэд, так часто устраивавшая побег другим, решила сама организовать своё бегство.

Жанна жила в Пепинстере, близ Вервье. Здесь она создала железнодорожный наблюдательный пост «Белой дамы» на важной линии Аахен — Герсталь — Льеж, главной железнодорожной артерии, связывавшей Германию с Бельгией. В Вервье разведка английского военного министерства поддерживала контакт с Сике, владельцем маленького трактира. Мы убедили Сике организовать второй наблюдательный пост на этой же стратегической линии. Организуя такие самостоятельные разведывательные ячейки в Бельгии, мы ставили себе задачей обеспечить резервную базу на случай провала «Белой дамы». Каким-то образом Жанне стало известно о работе Сике, и она обратилась к нему за содействием.

Мы не раз предупреждали «Белую даму», чтобы она не вступала в сношение с другими разведывательными организациями. Никто не понимал лучше Деве и Шовена опасности таких связей. Но по мере того, как немцы усиливали надзор за бельгийско-голландской границей, организации, связанные с другими союзными разведками, то и дело отрывались от своей базы в Голландии; в таких случаях они стремились воспользоваться постами переход» границы, находившимися в распоряжении «Белой дамы». В этих условиях Деве и Шовену не всегда удавалось избавлять «Белую даму» от неприятностей. [70]

«Служба Бископса» обратилась к «Белой даме» с просьбой передать донесения в Голландию разведке английского генерального штаба в связи с провалом её пограничной переправы. Под вымышленными именами «Готье» и «Пети» Деве и Нёжан встретились с представителем «Службы Бископса». Они отказались принять у него донесения для дальнейшей передачи, но обещали принять все меры, чтобы найти для «Службы Бископса» самостоятельный пункт перехода границы. В своих поисках они обратились к Жанне Дельвэд; она дала им пароль, по которому они могли установить контакт с Сике. Таким образом, Сике связался со «Службой Бископса» и стал получать её донесения для передачи в Голландию.

Когда вскоре после этого сама Жанна обратилась к Сике за содействием, тот предложил ей перейти границу вместе с группой беженцев. Проводник брался переправить их в Голландию на следующую ночь; этот человек был безусловно надежен. Предполагалось, что группа пройдёт несколько миль по германской территории, а затем пересечёт немецко-голландскую границу.

На следующий вечер Жанна явилась в трактир Сике. Здесь уже находилось трое беженцев. Во главе с Сике группа прошла несколько миль. В условленном месте к ней присоединились остальные беженцы: одна бельгийка, двое бельгийцев и четверо военнопленных, бежавших из лагеря, в том числе трое французов и один русский. Ярдах в ста от границы они нашли проводника, человека лет тридцати, хорошо говорившего по-французски и по-немецки. Он внушал доверие. Возбуждённым беженцам хотелось поскорее двинуться в путь; однако проводник предложил им выждать. Он объяснил, что его помощник отправился выяснить точное местонахождение часового. Время тянулось бесконечно долго. Наконец, помощник проводника вернулся, и вся группа двинулась вдоль изгороди.

Они прошли в полной темноте шагов пятьдесят, как вдруг четверо или пятеро немецких пограничников выскочили из-за

изгороди с ружьями наперевес. Нападение было столь неожиданным, что никто не оказал сопротивления. Немцы отвели всю группу на немецкую пограничную станцию в Герсталь. Там арестованных погрузили в поезд, шедший в Намюр.

Жанна Дельвэд была заключена в одиночную камеру намюрской тюрьмы. Никому не разрешалось общаться с шей лично или путём переписки. Тайная полиция хотела [71] всецело изолировать её от внешнего мира. Но «Белая дама» узнала через свой отдел контрразведки об её аресте и вскоре нашла возможность установить с ней сношения с помощью тюремного священника. К удивлению заключённой, он однажды утром украдкой достал из-под рясы и передал ей такое письмо:

> «Выучите наизусть следующую фразу: «Есть две вещи, ради которых патриот должен жить и бороться до последнего вздоха: справедливость и свобода». Это даст нам возможность применять шифр в переписке с вами. Буквы алфавита будут обозначаться соответственно положению определенного слова в фразе и положению буквы в данном слове (Следовали примеры).
>
> Пришлите нам зашифрованное по этой системе письмо тем же путём, каким вы получили настоящее. Этим вы покажете, что поняли нас. Ждите дальнейших писем. Мы с вами всей душой».

Жанна ответила и вслед за тем получила новое шифрованное письмо:

> «Помните, что вы солдат. Помните свою присягу. Отрицайте всё. Отказывайтесь говорить по-немецки, вам будет легче защищаться по-французски. Поздравляю вас с вашим героическим поведением. Держитесь спокойно, но не вызывающе. Мы приняли меры предосторожности; никто из нас не арестован. Я с вами всем сердцем. Ваши родители осведомлены обо всём.
>
> Тео»

Прошло три недели, прежде чем тайная полиция допросила Жанну. За это время Жанна подготовилась к допросу. Она не только отрицала всякую принадлежность к какой-либо шпионской организации, но, опасаясь скомпрометировать проводников, отрицала даже попытку бежать из Бельгии. Она рассказала, что собиралась купить масло на одной ферме, но это ей не удалось; на обратном пути ей повстречалась группа молодых людей и, боясь темноты, она старалась держаться:

поближе к ним. Велико было её удивление, когда её арестовали.

Следователь улыбнулся и вполголоса сказал несколько слов ординарцу. Тот вышел. Наступила пауза. Жанна спокойно выжидала. Вдруг отворилась дверь, и появился тот самый проводник, которого она пыталась выгородить. Это был Розенберг, агент немецкой тайной полиции в Намюре.

Вот что предшествовало допросу Жанны Дельвэд.

Каждый из беженцев и военнопленных, пойманных в ловушку вместе с Жанной, ещё до неё предстал перед следователем. Тайная полиция стремилась раскрыть нити организации, способствовавшей их побегу. В общем, они мало что открыли. [72]

Тогда полиция сыграла с заключёнными старый трюк; агент-провокатор, одетый священником, явился к одному из трёх беженцев, ожидавших Жанну в трактире Сике. Этот человек попался на удочку и, рассказав свою историю мнимому священнику, выдал Сике. Тот был арестован. При нём нашли донесения и компрометирующие письма. Тайная полиция устроила засаду в его трактире и на следующий день арестовала женщину-курьера «Службы Бископса», Её обыскали и в подкладке её рубашки нашли донесение.

Сике, очутившись лицом к лицу с неоспоримыми уликами, безнадёжно запутался на допросе. То, о чём он умолчал, немцы узнали, подослав к нему того же мнимого священника.

Вот почему Жанна Дельвэд, которую немцы сперва считали рядовой беженкой и в течение трёх недель даже не вызывали к следователю, подвергалась затем особенно свирепому допросу. Тайная полиция хотела вырвать у неё имя человека, которого она посылала к Сике и который, по словам Сике, доставил ему первую пачку донесений «Службы Бископса». Сике утверждал, что не знает его имени, и полиция считала, что он говорит правду. Женщина-курьер не называла имён: она говорила, что найденное при ней донесение было передано ей неизвестным предъявившим мандат бельгийского правительства в Гавре со штампом и печатью.

Тайная полиция знала, что если ей удастся установить личность таинственного человека, посетившего Сике, она раскроет целую разведывательную организацию. Полиция была убеждена, что эта тайна известна Жанне Дельвэд. Наконец, полиция имела основания предполагать, что Жанна может раскрыть личности Готье и Пети; эти имена упоминались в перехваченных донесениях «Службы Бископса», Жанна была одной из старейших участниц «Белой дамы» Она знала многих руководителей организации. Ей было известно, что под кличкой

«Готье» скрывался Деве, а под кличкой «Пети» — Нёжан. После долгих недель, проведённых в заключении, Жанна стала неузнаваемой. Но она изменилась только по внешности, оставаясь в душе всё той же пылкой и честной Жанной. Стойко, как солдат, глядела она в лицо своим мучителям. Она решительно отрицала всё, за исключением своей деятельности по содействию беженцам. Таковы были инструкции «Белой дамы», которых она строго придерживалась. [73]

Жанна выдержала семимесячную борьбу с тайной полицией. Под конец немцы убедились, что ничего у Жанны не выпытаешь. На суде прокурор требовал для неё смертного приговора. Но, кроме доноса провокатора, подосланного к Сике, не было никаких данных о её причастности к шпионажу, и она была приговорена к пожизненному заключению и штрафу в тысячу марок.

Жанна показала себя благородным и стойким солдатом; «Белой дамы». В её руках были жизни Деве и других руководителей организации, и она выполнила свой долг.

Впоследствии были установлены подробности предательства немецкого провокатора Розенберга. Выследив однажды французского офицера, бежавшего из плена, он помог ему, с согласия немецкой тайной полиции, бежать в Голландию. Французский офицер снабдил его рекомендательным письмом и направил к одному из сотрудников французского посольства в Гааге. Так была установлена репутация Розенберга в качестве проводника.

Немецкая тайная полиция так никогда и не узнала, кто такие Готье и Пети, хотя она каким-то образом проведала, что Готье по профессии инженер, а Пети, вопреки своей кличке, человек большого роста.{2}

В одной из следующих глав я расскажу историю «Службы Бископса». Большинство участников этой организации было арестовано. Оставшиеся на свободе вступили в «Белую даму», обогатив её важными наблюдательными постами в оккупированной Франции, в районе Валансьена. Устанавливая контакт с членами скомпрометированной организации, Деве и Шовен приняли всевозможные меры предосторожности; но как бы то ни было, они тем самым нарушили один из основных принципов разведывательной работы. Никто не сознавал этого яснее их. К счастью, всё сошло благополучно. Я был рад валансьенским донесениям: союзники не имели других сведений из этого чрезвычайно важного района.

Бедняга Сике был расстрелян в Намюре 25 апреля 1918 г. Если бы он не связывался с беженцами и другими органами

разведки, за исключением «Белой дамы», он бы, вероятно, уцелел. Но горячая любовь к родине побуждала его участвовать во всякой патриотической деятельности, какая попадалась на его пути. [74]

Глава XII. Летучий отряд

«Белая дама» непрерывно расширяла свою деятельность. И с каждым новым шагом становилось всё труднее обеспечивать безопасность организации. Лишь строгое соблюдение принципа обособленности отдельных ячеек могло предохранить её от провала.

Проекты расширения деятельности «Белой дамы» часто предлагались на рассмотрение льежскому штабу организации. Но осуществление этих проектов никогда не возлагалось на действующие ячейки. В каждом случае в районе, откуда предполагалось предпринять шаги по расширению организации, создавался специальный «летучий отряд». Этому отряду и поручалась организация нового взвода. Лишь после того, как удавалось наладить его работу, и он в течение известного времени регулярно сдавал свои донесения в «почтовый ящик», этот «почтовый ящик» связывался с одним из курьерских взводов «Белой дамы».

Таким образом, из Турнэ «Белая дама» проникла в районы Лилля и Дуэ — северную часть оккупированной Франции. Из Арлона «Белая дама» проникла в герцогство Люксембург, где был организован железнодорожный наблюдательный пост на важной линии Трир — Люксембург. Вместе с наблюдательным постом «Белой дамы» на линии Аахен — Герсталь — Льеж пост в Люксембурге давал нам возможность установить наблюдение за всем железнодорожным движением в тылу немецкого фронта от Вердена до моря.

На летучий отряд в Конно была возложена задача — продвинуться вглубь оккупированной Франции в направлении Шарлевилля и Седана.

К югу от Намюра, в провинциях Намюр и Люксембург, находятся имения и дворцы бельгийской аристократии. В кругах местной аристократии «Белая дама» насчитывала немало приверженцев. Здесь-то и был организован летучий отряд в Конно. Объект его усилий, Шарлевилль, был ставкой германского кронпринца и важным железнодорожным узлом.

За время войны связи мирного населения с Шарлевиллем оборвались. Поэтому возникла необходимость послать за границу специальных представителей. Эту работу вызвались выполнить две молодые девушки: баронесса Клеми де-л'Эпин [75] и Мари-Антуанетта, дочь маркизы де-Шеневьер. «Белая дама» разрешила им взяться за дело: молоденьким девушкам было легче, чем другим участникам организации, пробраться через границу и

добиться успеха. В случае ареста они могли отделаться менее суровым приговором. Семьи обеих девушек, скрепя сердце, дали своё согласие на их командировку.

Семейство Клеми де-л'Эпин владело имением в Гединне, на французской границе. Молодые девушки решили использовать его в качестве базы своей экспедиции.

Переправиться через бельгийско-французскую границу было не так просто. В районе Гединна Бельгия была отделена от Франции изгородью из колючей проволоки в 10 футов вышиной. Вдоль этой изгороди стояли немецкие часовые, и вели непрерывное наблюдение агенты тайной полиции. Всякое движение между оккупированной Францией и Бельгией было запрещено.

Для путешествия в Шарлевилль необходимо было, прежде всего, найти опытного проводника. В поисках такого проводника обе девушки стали расспрашивать местных мешочников и контрабандистов.

Ниже я привожу отчёт о поездке, принадлежащий перу Клеми де-л'Эпин. Она ограничивается в своём отчёте простым и скромным изложением фактов. Следует отметить, что поездка девушек увенчалась полным успехом: организованный ими взвод «Белой дамы» в Шарлевилле впервые за время войны стал посылать разведывательные донесения из этого района.

Итак, предоставляю слово юной Клеми де-л'Эпин:

«Нам нужно было найти надёжного проводника. После нескольких дней бесплодных поисков мы, с помощью одного из наших лесничих, нашли подходящего человека в лице одного контрабандиста — высокого, сильного парня, лет двадцати. Он назвал себя Жоржем. За 100 франков он согласился провести нас в Шарлевилль и обратно.

Мы уложили в вещевой мешок немного провизии и в час дня отправились в Шарлевилль. Мы шли с непокрытой годовой, одетые в поношенную одежду, которую мы одолжили для этого случая. В пути мы двигались гуськом; Жорж шёл впереди с мешком картофеля на спине. Так мы дошли до маленькой усадьбы. Внезапно мы услышали команду: «Хальт!» Два агента тайной полиции выскочили из-за кустов и потребовали у нас предъявления [76] удостоверений личности. Нам с подругой нечего было опасаться: мы еще находились в Бельгии. Но Жорж был пойман с картофелем. Агенты увели его. Мы стали ждать. Прошёл час. Мы уже думали вернуться и начать всё сначала, но в этот момент увидели Жоржа. Его отпустили, забрав картофель.

Мы снова пустились в путь. Теперь нам пришлось взбираться по лесистому склону крутого холма, избегая открытых

пространств. После получасовой ходьбы мы увидели колючую проволоку в 10 футов вышины. Но перейти границу надо было дальше. Мы прошли некоторое расстояние вдоль изгороди, пока, наконец, Жорж не издал возгласа удовлетворения. Здесь была дыра в изгороди, сделанная контрабандистами. Через неё мы пролезли.

Теперь мы были во Франции. Дальнейший путь шёл лесом. Мы двигались по тропинке, которая привела нас в долину. Темнело. Невдалеке мы увидели селение Мотермэ. Достигнув селения, мы вошли в него с видом местных жителей. Жорж имел здесь друзей, у которых мы собирали переночевать.

Прежде чем войти в дом, Жорж спросил наши имена. Мы тут же окрестили себя: Мари-Антуанетта назвалась Антуанеттой Дюваль, а я Генриэттой Дуст. Жорж отворил дверь. В небольшой каморке, служившей и кухней и жилой комнатой, стояла у печки женщина. «Где картофель?» — грубо спросила она. Жорж рассказал о пропаже картофеля. Затем он отвёл женщину в угол и, по-видимому, объяснил ей наше присутствие. Женщина поздоровалась с нами и дала нам по чашке коричневой жидкости, вместо кофе. Потом она провела нас в соседнюю каморку; здесь стояла единственная в доме кровать. Мы легли спать, не раздеваясь.

Было ещё темно, когда Жорж разбудил нас. Мы отправились в путь в четыре часа утра. Снова шли лесом, то и дело взбираясь на холмы. Затем мы спустились в долину Мааса. В одном из прибрежных домов очередной приятель Жоржа одолжил нам свою лодку. Когда мы перебрались и другой берег реки, Жорж спрятал лодку под свисающими ветвями дерева, чтобы она могла послужить нам на обратном пути.

Снова мы очутились под защитой леса. Раздвигая руками ветви деревьев и кустарника, мы продолжали наш путь. Ночью шёл дождь, и вскоре наша обувь промокла, одежды вода стекала ручьями. Вдруг послышались голос. [77]

Ложная тревога! Это были лесорубы. От них мы узнали, то поблизости стоит немецкий часовой. Мы сделали крюк, чтобы обойти часового.

Наконец, мы очутились в окрестностях Шарлевилля. Здесь нужно было принять более приличный вид. Мы расчесали друг другу волосы, а наш друг — ибо за время путешествия Жорж стал нам другом — почистил нам ботинки пучком травы. Вдруг мы увидели в пятидесяти шагах от нас двух немецких солдат. Мы бросились в дверь ближайшего дома, чуть не сбив с ног женщину с ребёнком на руках. Смущенно извинившись, мы стали объяснять наше внезапное появление; но, по-видимому, за время немецкой

оккупации женщина привыкла ко всему, так как она вовсе не была особенно удивлена.

Мы поняли, что поступили глупо: наше внезапное бегство могло привлечь внимание немцев, от которых мы хотели ускользнуть. Шарлевилль кишел неприятельскими солдатами, и единственная возможность избегнуть слежки заключалась в том, чтобы вести себя с полным спокойствием и постараться сойти за местных жителей. Впрочем, наше неожиданное появление в этом доме имело свою хорошую сторону; старшая дочка хозяйки вызвалась проводить нас в дом нашего друга аббата Пьери, на которого мы возлагали все надежды. Убедившись, что аббат у себя дома, мы отпустили Жоржа, назначив ему свидание на восемь часов вечера. В нашем распоряжении оставался целый день.

Почтенный аббат был очень удивлён нашим посещением. Он с тревогой осведомился о наших близких, затем, надев очки, стал вопросительно глядеть на нас, словно спрашивая: что всё это значит? Мы рассказали ему о цели нашей поездки и почувствовали большое облегчение, когда он быстро понял значение нашей миссии. Наш друг сообщил нам, что Доммелье, издатель местной газеты, безусловно окажет нам содействие — он часто выражал желание принять участие в подобной патриотической деятельности.

Аббат отправился за Доммелье. Тот не обманул его ожидания и с радостью вызвался помочь нам. Он сожалел только о том, что мы не обратились к нему раньше.

Доммелье посоветовал привлечь к делу Графтио и его жену, владельцев крупной аптеки. Это были его близкие Друзья, преданные патриоты, и он ручался, что они примут участие в нашей организации. Поблагодарив аббата, мы направились в сопровождении Доммелье в аптеку. Здесь, [78] в маленькой гостиной, был устроен военный совет. Несколько часов мы потратили на обсуждение наших планов и изложение полученных инструкций по созданию наблюдательных постов. Было решено, что Доммелье будет командиром шарлевилльского взвода, а жена аптекаря Графтио — его помощником. Предстояло найти агентов для учреждения в Шарлевилле четырёх наблюдательных железнодорожных постов для контроля за передвижением войск в направлении Седана, Ретеля, Ирсона и Живе. Кроме того, нужно было завербовать разъездных агентов для наблюдения за немецкими дивизиями, размещёнными в районе Шарлеруа. Пограничным курьером был намечен некто Поль Мартен; это был смелый человек, переправивший через границу нескольких беженцев. Мы договорились, что Мартен передаст первую пачку

донесений нашему лесничему в Гединне; при этом он укажет какое-нибудь потайное место в лесу, где в дальнейшем будут складываться донесения. Со своей стороны, мы брались позаботиться о дальнейшей доставке донесений в Конно.

Вечером мы встретились в условленном месте с Жоржем. Наши новые друзья проводили нас до окраины города. Здесь, после горячих рукопожатий и взаимных пожеланий, мы простились. Как мы ни устали, радостно было сознавать, что мы успешно выполнили полученное поручение».

Жорж благополучно доставил обеих девушек домой, Шестьдесят миль из Гединна в Шарлевилль и обратно были проделаны ими за 48 часов.

Прошло некоторое время, прежде чем мы получили первое донесение из Шарлевилля. Подыскать агентов оказалось труднее, чем первоначально предполагали Доммелье и мадам Графтио. Но, в конце концов, донесения из Шарлевилля всё же прибыли в Голландию. Они содержали такие ценные сведения, что мы получили по этому поводу поздравительную телеграмму от английского генерального штаба.

Донесения из Шарлевилля поступали регулярно в течение целого месяца, но затем связь нарушилась. В лесном тайнике больше не находили донесений. Молодая баронесса Клеми и Мари-Антуанетта вызвались снова отправиться в Шарлевилль. Они отправились в Гединн, чтобы скова обратиться за содействием к Жоржу.

По приезде в имение они нашли там немецкую авиационную часть. Рассчитывая получить интересные сведения, они [79] познакомились с одним офицером, который собирался ехать. крытом грузовике в Шарлевилль. Случай был слишком благоприятный, чтобы его упустить. Выдумав историю о какой-то родственнице, с которой им очень хочется повидаться в Шарлевилле, девушки упросили офицера взять их с собой.

Офицер согласился выполнить то, что считал девичьей прихотью. Конечно, если бы его поймали, то могли бы предать военному суду. Но, как и наши храбрые девушки, он хорошо знал, что тайная полиция не станет искать шпионов в военном грузовике. Он высадил девушек в безлюдном месте в окрестностях Шарлевилля; там же они встретились и на следующий день.

Поездка прошла благополучно, и девушкам вновь удалось выполнить трудное поручение. Были намечены новые курьеры, и связь с Шарлевиллем, больше не нарушалась вплоть до самого перемирия.

Глава XIII. На «Вилле ласточек»

К этому времени «Белую даму» постигла серьёзная катастрофа. Совершенно случайно тайная полиция напала на её след. Цепь трагических событий началась с анонимного письма, написанного из ревности одной женщиной, не имевшей никакого представления о существовании «Белой дамы».

Донос был направлен против девушки по имени Марсель, которая без паспорта выехала из оккупированной Зоны Франции и поступила в услужение в одну льежскую семью. Такое нарушение правил могло бы сойти благополучно, не начни она заигрывать с одним состоятельным человеком. Это и навлекло на неё беду. Лейтенант Ландверлен, возглавлявший тайную полицию в Льеже, получал анонимные письма ежедневно и не обратил особого внимания на новый донос; всё же он послал двух агентов, чтобы допросить девушку.

Сыщики прибыли в Вандр, где проживал Рейман, хозяин Марсель. Они никого не застали дома. Расспросив соседей, сыщики узнали, что Рейман, вероятно, находится на принадлежащей ему «Вилле ласточек», которую он сдал каким-то жильцам. [80]

Между тем, на «Вилле ласточек» помешался секретариат «Белой дамы», где перепечатывались на пишущей машине и подготовлялись для отправки в Голландию все донесения. Работники секретариата заблаговременно подготовились к возможному полицейскому налёту. Вилла стояла у самого берега Мааса. На реке стояла лодка; всё было готово к бегству. На вилле находилось 28 револьверов и десять тысяч патронов. Тяжелые дубовые двери преграждали доступ в дом. Казалось, было бы достаточно одного человека, чтобы задержать с десяток агентов тайной полиции до тех пор, пока не будут уничтожены все компрометирующие документы и пока не спасутся остальные обитатели виллы. Но на этот раз счастье обернулось против «Белой дамы».

Сыщики подошли к вилле как раз в тот момент, когда из дверей вышли два курьера, сдавших свои донесения. Сыщик грубо спросил:

— Кто здесь проживает?

Застигнутые врасплох, курьеры Франшимон и ван-ден-Берг ничего не ответили. Почуяв неладное, один из сыщиков вынул револьвер и приказал Франшимону и ван-ден-Бергу следовать за ним.

В это время в доме находилось четыре человека: Гессельс,

руководительница секретариата, подёнщица Роза, убиравшая виллу дважды в неделю, и два агента «Белой дамы» Луи и Антуан Коллар, работавшие в дальней комнате. Братья Коллар только что прибыли из бельгийского Люксембурга и остались переночевать на вилле. Машинисток случайно не было на месте. Гессельс, полная живая женщина, лет тридцати пяти, отличалась решительным характером. В подпольной патриотической деятельности она принимала участие с самого начала войны, ей были знакомы методы тайной полиции, и до сих пор она всегда умела вывернуться из любого затруднительного положения.

Сыщик постучал в дверь. Гессельс спросила: «Кто там?» Сыщик шепотом приказал Франшимону отвечать, приставив к его виску дуло револьвера. Услышав голос Франшимона, которого она только что выпустила из дома, Гессельс спокойно отворила. С первого взгляда она поняла, в чём дело.

Донесения, принесенные Франшимоном и ван-ден-Бергом, были спрятаны в диване между сиденьем и боковой стенкой. Но Гессельс знала, что Коллары заняты перепиской донесений, привезенных из Люксембурга. Она только что была в их комнате и видела донесения разбросанными по столу. [81] Нужно было предупредить их. Но как? Чтобы выиграть время, она продолжала стоять в дверях и отвечала на вопросы сыщика как можно громче. Произошёл следующий разговор:

— Здесь проживает Рейман?

— Нет. Здесь живет мадам Гессельс.

— Подвергались вы когда-нибудь аресту?

— Нет. Ни вами, ни бельгийской полицией.

— Ваше имя Марсель?

— Нет, я мадам Гессельс.

— Вы француженка?

— Нет, я бельгийка.

Но сыщики заподозрили, что на вилле прячутся беженцы. Они решили обыскать дом и, отстранив Гессельс, переступили порог.

К несчастью, братья Коллар были так углублены в свою работу, что не слышали предыдущего диалога. Только заслышав приближавшиеся шаги, они поняли, что что-то случилось. При них были бумажники с компрометирующими документами. Антуан догадался выбросить свой бумажник в окно, но Луи был застигнут врасплох. К тому же на столе лежали донесения, которыми немцы тотчас же завладели.

Тем временем Гессельс прокралась наверх — у неё появился план. Быстро схватив пистолет, она спрятала его в складках платья и стала ждать на площадке лестницы появления одного из

сыщиков. Было ясно, что второй сыщик останется внизу сторожить молодых людей. Действительно, один из сыщиков поднялся по лестнице и вошёл в спальню. Этого и ждала Гессельс. Она захлопнула дверь спальни снаружи, пытаясь повернуть в замке ключ. Но сыщик оказался проворнее её: он распахнул дверь и направил на неё револьвер.

Обыск продолжался. Под конец были обнаружены пистолеты и патроны. Пленники в наручниках были доставлены в льежское полицейское управление для допроса. Пока сыщики писали рапорт, арестованных поместили в комнате под охраной немецкого солдата. Тем временем Гессельс уже придумала план защиты и топотом проинструктировала каждого, что говорить на допросе.

Франшимону она сказала: «Я ваша любовница. Вы часто посещали меня на вилле. Вы ничего не знаете о моей работе».

Ван-ден-Бергу: «Вы друг Франшимона. Вы случайно зашли с ним на виллу». [82]

Братьям Коллар: «Вы мои жильцы. Я не знаю, кто вы, ничего не знаю о вашей работе. Помните присягу. Ничего не открывайте».

Про себя она решила сказать, что собиралась помочь беженцам перейти границу и предназначала для них найденные пистолеты.

Прошёл час. Ландверлен приступил к предварительному допросу. Арестованные держались версии, подсказанной Гессельс. Братья Коллар добавили, что решили перейти границу и собрали информацию с намерением продать её какой-нибудь разведывательной организации в Голландии. Этим они прежде всего рассчитывали отвлечь внимание от «Белой дамы».

После первого допроса арестованных перевели в тюрьму Сен-Леонар. Полиция поверила показаниям Франшимона и ван-ден-Берга; через некоторое время их освободили. Зато братья Коллар были обречены с самого начала. Часть обнаруженных при них донесений была зашифрована; это само по себе служило доказательством их принадлежности к разведывательной организации, кроме того, их безнадёжно компрометировала информация, обнаруженная в записной книжке Луи. Что касается Гессельс, Ландверлен был убеждён, что она виновна в шпионаже, и решил так или иначе добиться её признания.

Через свой отдел контрразведки «Белая дама» немедленно узнала об арестах; спустя два дня она уже установила через Фокено и Крёзена связь с двумя из арестованных. В зашифрованном письме Фокено предупредил «Белую даму» о донесениях, спрятанных в диване. Приведём это письмо:

«Говорил с Франшимоном. Он арестован 8-го, говорит, что на него можно положиться. Обвиняется в шпионаже. Дело осложняется фальшивыми удостоверениями личности; немцы хотят знать, откуда они взяты. Он говорит о документах, спрятанных в диване. Понимаете ли вы, в чем дело? При ван-Берге не нашли ничего. Допрос ведет Мюллер. Вчера они раздели одного из братьев Коллар и били его палкой. Сообщите, что вы хотите спросить у них».

Рейману разрешили посетить виллу, как её владельцу. Он спас донесения, спрятанные в диване. Более того, он нашёл записную книжку Антуана Коллара, все еще лежавшую там, куда тот её забросил.

Братья Коллар, молодые люди 21 и 20 лет, жили в селении Тентиньи, в южной части Бельгийского Люксембурга. [83]

Осенью 1917 года они решили перебраться через границу и вступить в бельгийскую армию. В Льеже им удалось войти в контакт с «Белой дамой». Не стоило большого труда убедить молодых патриотов вернуться в Тентиньи и организовать в своём районе разведывательную группу. Они работали успешно и к моменту своего ареста покрыли разведывательной сетью весь район Виртона. Им удалось создать железнодорожный наблюдательный пост в Лонгийоне, на важной линии Лонгийон — Седан. Затем они проникли и в герцогство Люксембург. Братья Коллар были не только организаторами, но и курьерами, поддерживая регулярно связь с Льежем.

Их арест сразу же нарушил связь между «Белой дамой» и организацией в районе Виртона. Не было даже возможности предупредить участников организации о случившемся. Положение стало ещё более трагическим вследствие того, что в записной книжке Луи Коллара были записаны имена некоторых агентов. Немцы не стали терять времени: вскоре, вслед за Колларами, был арестован отец молодых людей, затем муж и жена Бастен и аббат Арну. Теперь в тюрьме Сен-Леонар находилось семь узников, привлечённых по делу Колларов. Тайная полиция была уверена, что ей удастся вырвать сведения, которые наведут на след шпионской организации. Но неделя проходила за неделей, и, в конце концов, полиции пришлось признать свое поражение. Четверо вновь арестованных в районе Виртона ничего не знали о «Белой даме». Гессельс продолжала твердить свою историю о беженцах, пока немцы не стали её допрашивать. А братья Коллар героически молчали. По отношению к ним были испробованы все методы третьей степени». Даже искусному провокатору Верену, приговорённому французами после войны к ссылке на Чертов остров, не удалось

выудить ни слова у двух братьев.

После ареста старшего Коллара, вдовца, и четы Бастен обе семьи остались без родителей. Восемнадцатилетняя дочь Коллара Мари-Терез и её ровесница Ирена Бастен отправились в Льеж, чтобы навести справки о родителях. В Льеже им посчастливилось познакомиться с одним из членов «Белой дамы».

«Белая дама» утешила, как могла, обеих молодых девушек и позаботилась о семьях арестованных. В то же время она получила от Мари-Терез достаточные сведения, чтобы восстановить связь со своей организацией в Виртоне и вновь [84] наладить её работу. Мари-Терез и Ирена Бастен были завербованы в «Белую даму» и вызвались связать её курьера с уцелевшими участниками виртонской организации. На обратном пути курьер «Белой дамы» привёз от них следующее письмо:

> «Задание, которым вы нас почтили, было легко выполнить. Вернувшись домой, мы нашли одного преданного агента, который и реорганизовал работу. Нам осталось только помочь ему. Что касается аббата, о котором вы говорили, мы завербовали его через посредство Поля. Леопольд работает очень усердно.

Сообщите дальнейшие распоряжения. Мы к вашим услугам. Мы счастливы тем, что вы поручили нам продолжать работу, начатую нашими дорогими родителями. Примите нашу искреннюю благодарность и почтительные заверения в нашей дружбе.

Марта и Мадлен Вайи» (Конспиративные имена молодых девушек)

Вскоре тайная полиция узнала, что обе молодые девушки были в Льеже. Их арестовали и продержали в заключении несколько недель.

Тем временем следствие в Льеже подошло к концу. Рассчитывать на новые сведения полиции больше не приходилось. Заключённые предстали перед судом. Приговор был вынесен 2 июля 1918 года. Луи и Антуан Коллар, аббат Арну и Гессельс были приговорены к смертной казни, остальные — к каторжным работам на различные сроки. По отношению к Гессельс и аббату Арну смертный приговор был впоследствии заменён пожизненной каторгой.

Луи и Антуан Коллар были расстреляны в Льеже в крепости Шартрёз 18 июля. После войны английское бельгийское правительства посмертно наградили их теми же орденами, какими был награждён Дьёдонне Ламбрехт.

Следует особо отметить роль, которую сыграла в этом деле

Гессельс. Её находчивость спасла жизнь двум участникам организации. Она знала о «Белой даме» больше других арестованных, но сохраняла героическое молчание.

«Белая дама» устояла в этой буре, но Деве и Шовен пережили немало тревожных минут. Немецкая тайная полиция так никогда и не узнала, как близка она была к ее обнаружению.

Выяснив, что подёнщица Роза обслуживала также некую Веймерскирш, полиция явилась с обыском и к ней. В это время Деве и Шовен находились в одной из отдаленных комнат квартиры, но успели ускользнуть через чёрный ход. [85]

Глава XIV. Побег из тюрьмы Сен-Леонар

Фокено и Крёзен сидели в тюрьме Сен-Леонар уже около двух лет. Длительное заключение и суровый немецкий тюремный режим начинали оказывать на них своё действие. Война затянулась, требовалось большое мужество, чтобы не впасть в уныние.

С первого же дня заключения они стали строить планы побега. Но Сен-Леонар — современная тюрьма, с высокими стенами и многочисленной стражей. Побег из неё был сопряжён с трудностями, которые нельзя было преодолеть без помощи извне. Оба заключённых настаивали, чтобы «Белая дама» помогла им. Деве и Шовен были готовы принять участие в подобной попытке. С помощью ряда шифрованных писем был выработан обстоятельный план побега. Всё же руководители «Белой дамы» сочли своим долгом советоваться с нами, прежде чем взяться за организацию побега.

Легко представить себе, как подействовало на меня их письмо. План казался мне таким безумным, что я тут же его отверг. В то время «Белая дама» снабжала союзников, по крайней мере, 75 процентами всех разведывательных данных, поступавших из Бельгии и Франции. Эту организацию надо было беречь во что бы то ни стало. Кроме того, я знал, что Фокено и Крёзен могут принести больше пользы в тюрьме Сен-Леонар, чем на воле. Никто, кроме них, не был в состоянии оказывать нам те замечательные услуги, которые они оказывали совместно с Мари Биркель за тюремными стенами.

Между тем события приняли неожиданный оборот. Немцы подготовляли своё большое наступление, назначенное на март 1918 года; они подтягивали на фронт все свои резервы. Поляк Мариан из тюремной охраны узнал, что вскоре и его отправят на передовые позиции. Это известие сильно встревожило Фокено и Крёзена. Вместе с Марианом должна была исчезнуть не только единственная надежда на спасение, но и всякая связь с друзьями на воле. Они послали «Белой даме» ультиматум, пригрозив, что если она откажется им помочь, они попытаются устроить побег собственными силами.

Деве и Шовен очутились в крайне затруднительном положении. Они получили от меня категорическое указание: не принимать участия в организации побега. [86]

Вместе с тем, они считали, что долг не позволяет бросить на произвол судьбы двух людей, оказавших такую неоценимую помощь «Белой даме». Вопрос был поставлен на обсуждение

верховного совета организации. Было принято единогласное решение оказать помощь двум узникам.

Тогда Деве и Шовен решились на удивительный шаг; они взяли организацию побега в свои руки. Не могу сказать, что побудило их к этому. Думаю, что в связи с опасностью этой попытки они считали недобросовестным перепоручать её кому бы то ни было. Кроме того, оба они успели искренне привязаться к Фокено и Крёзену. Они восхищались мужеством этих людей, которое не могли сломить ни смертный приговор, ни длительное тюремное заключение.

Приняв своё решение, они отдали все распоряжения на случай возможного провала, назначили себе замену в качестве руководителей «Белой дамы». Оба хотели, прежде всего, оградить организацию от всякого ущерба, чтобы, по крайней мере, с этой стороны выполнить мои указания.

Вслед затем они занялись подготовкой побега. Месторасположение тюрьмы было исследовано с вершины господствующего над ней холма. С помощью Мариана была построена миниатюрная модель тюремного здания. Так был выработан во всех деталях следующий план побега.

В назначенную ночь Мариан укроется в доме одного из участников «Белой дамы». Перед уходом из тюрьмы он отворит камеры обоих узников. Покинув камеры, Фокено и Крёзен направятся в тюремную часовню, откуда по спиральной лестнице доберутся до чердака, а затем через слуховое окно выберутся на крышу. На чердаке они найдут молоток, две верёвки и железный крюк — все это должен был припасти там Мариан. С помощью верёвки они спустятся на тюремную стену, выходящую на улицу Матье Ленсберг. Вторая верёвка позволит им спуститься со стены на улицу, с высоты примерно 40 футов. На углу улицы Матье Ленсберг и улицы Ренье беглецов будут ожидать Деве и Шовен; если путь будет свободен, они будут курить сигары.

Оставалось лишь назначить ночь побега, когда Деве и Шовен неожиданно узнали о несчастных арестах на «Вилле ласточек». Удар был парализующим: ведь ещё не было [87] известно, что аресты произведены чисто случайно. Последовали новые аресты в Бельгийском Люксембурге, и дело стало походить на предательство. Для выяснения положения были абсолютно необходимы услуги Фокено и Крёзена. Оба узника самоотверженно остались на своём посту, хотя отсрочка побега могла стать для них роковой. Они ещё раз мужественно выполнили свой долг и послали на волю около 50 шифрованных писем с подробнейшими отчётами о каждом допросе. Таким образом, Деве и Шовен получили возможность определить

причину арестов и выяснить, какие сведения получила тайная полиция. Это позволило «Белой даме» принять необходимые меры для защиты своей организации.

Более чем когда-нибудь Деве и Шовен преисполнились решимости организовать побег Фокено и Крёзена. Он был окончательно назначен на страстной четверг, 28 марта 1918 г. Праздничный день был избран намеренно, так как по праздникам многие чины тюремной охраны уходили в город.

Назначенный день ознаменовался неблагоприятными известиями с фронта. Стены Льежа пестрели сводками немецких побед. Началось большое мартовское наступление германской армии. Французские и английские войска были разобщены; пали Нуайон, Альбер и Мондидье.

Перед вечером Деве зашел к Шовену в его кабинет в институте Монтефиоре. Ещё раз шаг за шагом они подвергли проверке весь план побега. Модель тюрьмы стояла перед ними на столе. На модели был обозначен каждый часовой, было помечено и место, где должны были ожидать беглецов Деве и Шовен. Они проследили весь путь, который предстояло проделать Фокено и Крёзену.

Деве вынул часы. «Восемь часов, — сказал он, — нельзя терять времени». В каморке швейцара сидела женщина, внимательно приглядывавшаяся к каждому посетителю. И если бы случилось что-нибудь подозрительное — достаточно было незаметного движения ноги, чтобы в кабинете Шовена зазвенел электрический звонок.

Спрятав модель в потайном шкафу, оба друга вышли и направились к тюрьме, куда должны были прийти к девяти часам.

На многолюдной улице Пон д'Авруа Деве зашел в табачную лавку, чтобы купить сигары, которые должны были послужить сигналом для беглецов, Шовен остался у дверей лавки. Никому не могло прийти в голову, что этот спокойный, [88] приветливый человек напряжённо высматривал немецких сыщиков, большинство которых было известно ему в лицо или по фотографиям. На площади Катедраль друзья сели в трамвай, который довёз их почти до тюрьмы.

Пошёл мелкий дождь; это было на руку беглецам. Дождь мог задержать часовых в их будках. Улицы были слабо освещены, и ставни большинства домов закрыты, шаги случайных прохожих гулко раздавались в темноте.

Друзья заняли условленное место на углу улиц Ренье и Матье Ленсберг. Они зажгли сигары — сигнал, что путь свободен. Глазами они ощупывали стену, где должны были появиться беглецы, и будку немецкого часового, видневшуюся в некотором

отдалении. В соседней церкви пробило девять часов. Ещё не отзвучал последний удар, как послышался свист, и на крыше тюремной часовни показался силуэт человека. Силуэт исчез так же внезапно, как появился.

— Видели вы его? — возбуждённо прошептал Шовен.

Но Деве ничего не заметил. Они напрягали зрение, но силуэт больше не появлялся.

Вдруг друзья увидели приближавшуюся к ним женщину. Они встревожились, но она шепотом успокоила их. Это была Жюльетта Дюрье, член «Белой дамы». Она пришла сообщить, что Мариан благополучно прибыл в предназначенное для него убежище.

Посмотрим теперь, что происходило за стенами тюрьмы. Вот что рассказал об этом впоследствии сам Фокено:

«Во второй части дня я с величайшими предосторожностями — в любой миг сторож мог заглянуть в камеру через глазок — разорвал свои простыни на полосы и связал их крепкими узлами. Приближался вечер. Я был весь в поту от нервного возбуждения и нетерпения. В положенное время — около восьми часов — я расстелил постель и с помощью подушек сделал на ней нечто вроде человеческой фигуры. Часть одежды я снял и положил на стул рядом с кроватью.

В восемь часов Мариан отпер дверь моей камеры. Он весь дрожал: если бы его поймали на месте преступления, его пристрелили бы, как собаку. С нижнего этажа доносились тяжёлые шаги часового. Вслед за Марианом я прокрался вдоль стены коридора до камеры № 156. Мне было известно, что здесь находится кладовая, где хранились [89] запасные одеяла, простыни и соломенные матрацы, там я нашёл поджидавшего меня Крёзена. Он держал в руках маленький молоток и железный крюк, полученные от Мариана. Мариан пожал нам руки, прошептал: «Счастливо!» и поспешно ушёл. Мы остались одни.

Крёзен удивлённо взглянул на подобие веревки из полос простыни, висевших на моей руке. Ведь Мариан обещал приготовить верёвки на чердаке. — «Нам может понадобиться и это» — прошептал я ему.

Мы тронулись в путь, напряжённо прислушиваясь к шагам часовых. Когда мы уже подходили к часовне, шаги послышались совсем близко. Мы застыли на месте. Заметил ли нас часовой!? Нет! Шаги стали удаляться. Мы проскользнули в дверь часовни и поднялись по спиральной лестнице на чердак. Здесь мы вздохнули свободнее.

Ощупью принялись мы искать приготовленные Марианом верёвки, но их нигде не было. К счастью, у меня была верёвка из

простынь! Я надеялся, что она окажется достаточно длинной.

Я вылез на крышу через слуховое окно. Вдруг внизу зарычала тюремная собака. Я спрятался, кто-то свистнул, и собака замолчала. Подождав с минуту, я прикрепил самодельную верёвку к слуховому окну и стал медленно спускаться к водосточному желобу. Крыша была скользкая и гораздо более крутая, чем я думал. Я смертельно боялся, как бы не обломить кусок черепицы.

Добравшись до желоба, я стал прикреплять к нему свою веревку. К моему ужасу, она оказалась слишком короткой и не достигала тюремной стены. Я вернулся в слуховое окно и сообщил товарищу трагическую новость. В наступившем молчании мы лихорадочно размышляли. Вдруг Крёзена осенила мысль: «Я вернусь в кладовую и принесу несколько простынь!»

Пока я дожидался Крёзена, я заметил внизу, на тёмной лице, две огненные точки: это были сигары наших сообщников! Как-то сразу я почувствовал себя в безопасности, — такова была моя вера в этих людей, знакомых мне только по письмам.

Но вот появился Крёзен с пачкой простынь. С помощью лезвия безопасной бритвы мы вскоре приготовили верёвку достаточно длинную для наших надобностей».

Тем временем Деве и Шовен продолжали стоять на своём посту. Шовен был уверен, что видел на крыше [90] часовни человека. Так или иначе, беглецам уже пора было появиться. Что случилось с ними? Неужели их поймали? Друзья с беспокойством всматривались в темноту.

Наконец они услышали приглушённые удары молотка о тюремную стену. Напрягая зрение, они увидели, как стала спускаться по стене широкая, похожая на ленту верёвка. По верёвке на землю спустился человек. Это был Фокено. Друзья бросились к нему, сказали пароль: «Жанна д'Арк». Он ответил, как было условлено, «Жанна». Они с тревогой осведомились о Крёзене. В эту минуту над стеной показалась голова. Через миг Крёзен стоял рядом с нами.

— А братья Коллар? — в один голос спросили Деве и Шовен.

Но они надеялись на невозможное. Братья Коллар содержались в другом флигеле тюрьмы. При всём желании Фокено и Крёзен не могли их спасти.

Не теряя времени, все четверо стали удаляться от угрюмых стен тюрьмы. Как ни опасно было садиться в трамвай, необходимо было пойти на это, чтобы сбить со следа полицейских собак; не могло быть сомнений, что немцы спустят ищеек, как только обнаружится побег. На улице Сите они сели в трамвай, который довёз их до площади Катедраль. Здесь они разделились

на две группы, чтобы снова сойтись в доме, где ожидал их Мариан.

Как сообщила в дальнейшем Мари Биркель, тревога в тюрьме поднялась через час после побега. Внимание немецкой стражи привлекла самодельная белая верёвка, свисавшая с тюремной стены на улице Матье Ленсберг. При беглом осмотре камер выяснилось, что Фокено и Крёзен отсутствуют. Началась погоня. Поднялся неописуемый шум, во всех направлениях забегали люди, там и тут мелькали огни фонарей. Вся тюрьма была обыскана. Затем послышался звук отъезжавших машин. Только в третьем часу ночи в тюрьме снова водворилась тишина.

Утром Мари повели на допрос. Допрашивали трое.

— Известно ли вам, — спросил один, — что Фокено и Крёзен этой ночью пытались бежать? Фокено застрелен, а Крёзен тяжело ранен.

Немцы пристально глядели на Мари, чтобы убедиться в действии этих слов.

Мари была явно взволнована. Она знала все. Фокено и Крёзен с помощью Мариана и Жюльетты Дельрюаль [91] обсуждали с Мари все детали побега в надежде, что она сумеет присоединиться к беглецам. Мари великодушно отказалась от участия в побеге, не желая понизить шансы на успех.

— Крёзен перед смертью признался, что предполагалось увести вас с собой, — сказал другой немец.

Это было явной нелепостью, противоречившей предыдущему заявлению, что Крёзен тяжело ранен. Мари обрадовалась. Она поняла, что побег удался. К ней вернулось самообладание. Попытки немцев вырвать у неё признание в соучастии в побеге ни к чему не привели, и её скоро вернули в камеру.

Через несколько недель Мари перевели в концентрационный лагерь в Германию. Тайная полиция, без сомнения, полагала, что там она будет в большей «сохранности».

Фокено и Крёзен просидели три месяца взаперти в своём убежище. Войне все еще не видно было конца. Все помыслы, обоих патриотов были обращены к борьбе во Франции. У них имелось одно желание — вступить в армию и сражаться на фронте. Уступая их настояниям, «Белая дама» дала им двух проводников, чтобы провести их через границу в Голландию.

Фокено, переодетый лютеранским священником, должен был перейти границу к северу от Антверпена, Предполагалось, что Крёзен переберётся через пограничные заграждения на участке Эйндховена. Их переход через границу был назначен на 5 июля 1918 г.

Маскировка Фокено была отличной. «Белая дама» достала

ему необходимую одежду. До Антверпена он доехал благополучно, но затем произошла одна из тех несчастных случайностей, которые никак нельзя предусмотреть заранее. Ночью в пригородном трамвае на пути в пограничное селение, где предстояла встреча с проводником, Фокено попался на глаза агенту тайной полиции. Этому типу, вероятно, захотелось показать свою власть сопровождавшей его барышне. Он прикрикнул на Фокено:

— Слишком много шпионов переодевается священниками! Вы вернетесь со мной в Антверпен для допроса!

Фокено знал, что не сможет выдержать строгого допроса. Подождав, пока трамвай развил предельную скорость, он выскочил на ходу, скатился в ров и скрылся в темноте. Ему пришлось вернуться в Льеж, где «Белая дама» спрятала его вплоть до заключения перемирия. [92]

С Крёзеном получилось ещё хуже. Несчастье произошло в каких-нибудь ста ярдах от границы. Ночь была безлунная. Проводник оставил Крёзена в высокой траве, а сам пополз разведать расположение часовых. Изнурённый двумя годами тюремного заключения и утомлённый длительной ходьбой, Крёзен заснул. По возвращении проводник не смог его отыскать. Крёзен проснулся, когда уже рассвело. Над ним стоял с винтовкой наперевес немецкий часовой.

Только находчивость спасла жизнь Крёзена. На допросе он назвал себя Десме, а в качестве месторождения указал одно из прифронтовых селений во Фландрии, откуда, как он знал, было эвакуировано вес население. Правда, он не мог отрицать, что пытался бежать через границу. Этот проступок карался тюремным заключением. К счастью, его посадили не в Сен-Леонар, а в тюрьму в Гасселте. Борода и усы, которые он отрастил после побега из тюрьмы, помогли ему скрыть свою личность. Немцы не подозревали, что узник гасселтской тюрьмы Десме — это тот самый Крёзен, за которым они охотятся.

Побег из тюрьмы Сен-Леонар был осуществлён блестяще. Это был единственный побег из тюрьмы, организованный разведывательной организацией за время войны. Но если в результате участь Фокено и была до некоторой степени облегчена, побег всё же не принёс реальной пользы. Напротив, он отрезал «Белую даму» от сен-леонарских узников.

После заключения мира Крёзен посетил меня в Брюсселе.

Поляк Мариан получил работу на одном из сталелитейных заводов в Угре, подле Льежа. Эту работу ему подыскали благодарные бельгийские друзья.

Что касается Фокено, то после войны он женился на Мари

Биркель. Трагические дни, проведённые в тюрьме Сен-Леонар, превратили их дружбу в любовь. Впоследствии Фокено занимал важный административный пост в Сирии. [93]

Глава XV. Провал на границе

Аресты Дез-Онея, Жанны Дельвэд и группы на «Вилле ласточек» были связаны с разведывательной работой. Во всех трёх случаях полицией были захвачены донесения и другие документы. Тем не менее, полиция не обнаружила связующей нити между этими делами. Как объяснить этот промах полиции?

Дело в том, что хотя многочисленные органы разведки порой мешали друг другу, самая их множественность сбивала немцев с толку. Чем хуже работала та или иная разведка, тем чаще случались аресты среди её агентов. Эта дымовая завеса скрывала от тайной полиции основную разведывательную организацию союзников. «Белая дама» в целом оставалась неуловимой. Аресты, произведенные среди её агентов, лишь безнадежно увеличили путаницу в представлении тайной полиции. Захваченные при этом донесения совершенно сбили её, со следа. В деле Дез-Онея в руки полиции попали донесения железнодорожных наблюдательных постов, отпечатанные на пишущей машинке на бланках, присланных службой Камерона. При аресте Жанны Дельвэд были захвачены донесения, принадлежавшие «Службе Бископса», написанные симпатическими чернилами на коричневой оберточной бумаге. Донесения, отобранные у братьев Коллар, исходили из совершенно другого района и были составлены по специальной форме, как того требовала разведка английского военного министерства. И в самом деле, эти донесения предназначались для трёх различных органов разведки, хотя все арестованные принадлежали к «Белой даме».

Если бы не героическое поведение заключённых, каждый из этих арестов мог привести к разгрому организации. Но «Белой даме» пришлось испытать ещё один серьезный провал на одном из пунктов перехода через границу. Прежде чем рассказать об этом деле, я должен упомянуть о менее важных происшествиях, случившихся незадолго до этого.

В январе 1918 года был внезапно арестован Нёжан, начальник бельгийской полиции в Льеже и руководитель контрразведки «Белой дамы». В присланных из тюрьмы шифрованных письмах он сообщил, однако, что «Белой даме» нечего опасаться. Мадам Бидло, курьер «Белой дамы», в начале войны помогла бежать за границу нескольким [94] французским военнопленным; тайной полиции это стало известно с значительным запозданием, но всё же Бидло была арестована. Следствие выяснило, что она часто посещала Нёжана. Это и привело к его задержанию. Последующие допросы обоих арестованных не дали полиции никаких серьёзных

улик. Бидло была приговорена к тюремному заключению за содействие побегу военнопленных. Что касается Нёжана, то его сослали в Германию, как «нежелательный элемент»; вероятно, тайная полиция имела против него зуб.

Утрата Нёжана была тяжёлым ударом для «Белой дамы».

К ещё более серьезным последствиям мог привести арест курьера ван-Гауденгейса. Он шел пешком из Брюсселя в Гент с шифрованными инструкциями для начальника гентского взвода, когда его остановили агенты тайной полиции. При обыске при нём был обнаружен сверток с компрометирующими документами. Дело принимало плохой оборот. Но Гауденгейс имел наготове целый рассказ, который он тут же преподнёс сыщикам. И хотя рассказ привел в бешенство агентов тайной полиции и навлек на Гауденгейса град тумаков, его нельзя было опровергнуть. По словам Гауденгейса, на одной из брюссельских улиц, возле здания городской ратуши, к нему подошла незнакомая женщина и предложила ему 20 марок за доставку свёртка некоему человеку в Алосте.

— Какому человеку? — нетерпеливо спросили сыщики.

— Высокому брюнету, с длинной бородой и красным носовым платком в кармане. Я должен встретиться с ним в Алосте возле церкви завтра в одиннадцать часов утра, — серьёзно ответил курьер «Белой дамы».

Когда ему показали найденные в свёртке разведывательные донесения, он продолжал придерживаться принятой им линии защиты.

— Почём я знаю, что было в свёртке? — повторял он с наигранной наивностью. — Откуда мне это знать? Ведь свёрток был запечатан!

Разумеется, его рассказ был неправдоподобным. Но все же это была хорошая версия, позволявшая наотрез отрицать всякую связь со шпионажем. Рассказ Гауденгейса принёс ему единственное, на что он мог рассчитывать: смягчение приговора и спасение жизни. Суд приговорил его к десяти годам каторги. [95]

К весне 1918 года «Белая дама» оправилась от удара, нанесённого ей арестами на «Вилле ласточек». Если не считать незначительных провалов, о которых я только что рассказал, работа протекала в обстановке относительного спокойствия. Эта передышка была для нас весьма кстати, так как она совпала с периодом последних ожесточённых усилий Германии на западном фронте. Естественно, что сведения из немецкого тыла были для нас в это время нужнее, чем когда-либо. «Белая дама» действовала с максимальной продуктивностью. Передвижения войск противника на оккупированных территориях происходили

днём и ночью, и они не могли ускользнуть от невидимой сети, раскинутой «Белой дамой».

Очередное столкновение с немецкой тайной полицией произошло на этот раз там, где мы ожидали его уже полтора года: непосредственно на самой границе.

В районе Маасейка Бельгия отделена от Голландии рекой Маас. За последние годы в этом районе два голландца, отец и сын Тильман, зарабатывали большие деньги контрабандой. Правда, население в Голландии уже было посажено на паёк, но в Бельгии ощущался еще более острый недостаток продовольствия. Этим широко пользовались Тильманы. Каждую ночь они переправляли через Маас свою тяжело нагруженную лодку. В Маасейке у Тильмана был сообщник, ван-Осслер, принимавший продовольствие и сбывавший его населению. Начальник немецкой пограничной охраны на этом участке не прочь был сам поживиться голландскими продуктами: его паёк оставлял желать лучшего, таким образом, здесь образовались идеальные условия для создания пограничной переправы под немецким покровительством.

Хоть Тильман и был голландец по происхождению, он, подобно многим жителям Голландского Лимбурга, крайне симпатизировал Бельгии. Не стоило большого труда уговорить его переправлять наши донесения через реку. К тому же Орам, начальник нашей пограничной агентуры, обещал ему за эту побочную работу основательную сумму — почти только же, сколько он выручал за контрабанду. Ван-Осслер, сообщник Тильмана, был бельгийским патриотом; он охотно огласился с этим проектом. Вскоре был найден курьер, вязавший ван-Осслера с «почтовым ящиком» «Белой дамы» в Гасселте. Теперь пункт перехода границы был налажен. [96]

Когда Орам сообщил мне об этом, я несколько обеспокоился: в этом деле участвовал голландец, подданный нейтральной страны. Я решил держать этот пункт перехода границы в резерве и сперва переправлял через него ложные донесения. Но время шло, донесения «Белой дамы» становились всё более объемистыми. Под конец их приходилось складывать в три больших свёртка, каждый величиной с крупную морковь; в целом каждая почта содержала 250 листов машинописи на тонкой папиросной бумаге, Наши пограничные агенты стали жаловаться на слишком большой объем донесений. Но при переправе в лодке объём донесений не имел значения; оставалось переключиться на пункт перехода границы в Маасейке. В марте 1918 года мы его назвали пунктом VI и предоставили в распоряжение «Белой дамы».

Около семи месяцев, до октября, через этот пункт регулярно, два раза в неделю, поступали донесения «Белом дамы». Но каждый пункт перехода границы имел свой срок жизни, и пункт VI не был исключением. Внезапно он провалился.

Тайная полиция послала на этот участок сыщиков без ведома начальника немецкой пограничной охраны. Один из сыщиков заметил, как лодка Тильманов переправлялась через реку. В тот момент, когда ван-Осслер принимал контрабанду от Тильманов под благосклонным оком немецкого пограничника, сыщик арестовал контрабандистов. При обыске были обнаружены донесения «Белой дамы». Трое сообщников были пойманы с поличным.

Можно представить себе, какое действие произвела на сыщика его находка, и с какой быстротой он бросился к своему начальнику. Тайная полиция никогда ещё не видела такой объемистой пачки шпионских донесений. Впервые она поняла, что на всей оккупированной территории искусно оперирует крупная разведывательная организация. И велико было её разочарование, когда она убедилась, что донесениях нет ни малейших указаний на их источник Полиция обрушила свою ярость на Тильманов и ван-Осслера. Их подвергли нещадным побоям. После четырехдневных избиений они сказали полицейским всё, что знали.

Тем временем мы в Голландии не сидели сложа руки. Когда наступил рассвет и Тильманы не вернулись, пограничный агент Орама понял, что произошло. Он позвонил [97] по телефону Ораму, и тот поспешил ко мне. В ту же ночь через резервный пункт перехода границы были посланы инструкции «Белой даме» немедленно изолировать организацию от «почтового ящика» в Гассельте. Однако Деве и Шовен хотели выяснить, действительно ли донесения попали в руки полиции, и оставили гассельтских агентов на постах. Через два дня была арестована вся группа агентов «Белой дамы» в Гассельте — семь мужчин и одна женщина.

Если Деве и Шовен сперва недостаточно быстро реагировали на наше предостережение, то теперь они не стали терять времени. Они напрягли все силы, чтобы спасти организацию.

Между гассельтской группой и секретариатом «Белой дамы» имелось только одно связующее звено: инспектор бельгийской полиции Сюрлемон. Роковое звено нужно было устранить, и руководители «Белой дамы» проделали это с молниеносной быстротой. В течение 24 часов он был доставлен в Голландию в трюме баржи. Принятая мера оказалась более чем своевременной. На следующий день тайная полиция явилась на квартиру

Сюрлемона. Арестовали его жену и дочь, но они ничего не знали об участии Сюрлемона в «Белой даме» и через некоторое время были освобождены.

«Белая дама» с успехом выдержала этот последний натиск немецкой тайной полиции. Впрочем, с того момента внимание тайной полиции было сосредоточено на Льеже. Город был наводнён её агентами. По-видимому, было решено во что бы то ни стало выследить неуловимую шпионскую организацию. Но если бы даже Деве и Шовена теперь поймали, организация продолжала бы действовать. Благодаря принятым мерам предосторожности она превратилась в стоглавую гидру, для уничтожения которой понадобились бы долгие годы.

Так или иначе, «Белая дама» избегла дальнейших арестов и продолжала свою работу вплоть до заключения перемирия. Через VII пункт перехода границы её донесения продолжали поступать к нам с той же регулярностью, что и прежде.

К счастью для арестованных в районе Маасейка и в Гасселъте, наступило перемирие. Только это спасло их от расстрела. [98]

Глава XVI. «Служба Бископса»

Наибольшую опасность для разведчиков представляли, наряду с провокаторами, записные книжки.

Разведчики, пользовавшиеся записными книжками, думали, что условные обозначения, вымышленные имена или сокращения гарантируют безопасность. Они забывали, что секретные записи, попав в руки тайной полиции, требовали немедленных разъяснений. Между тем известно, что методы «третьей степени», применявшиеся немцами на допросах, особенно когда они добивались ответа на определённые вопросы, могли сломить даже сильную волю. В таких случаях наряду с виновными нередко страдали и безвинные. Все лица, чьи фамилии упоминались в записках задержанного разведчика, немедленно подвергались аресту.

В качестве иллюстрации я приведу трагическую историю монахини Ксаверии. Её брат, Александр Франк, имел друга по фамилии Бакельманс. Однажды в разгар войны Ксаверия встретила Бакельманса в автобусе. Эта встреча поразила её, так как она знала, что еще в начале войны он уехал вместе с её братом в Англию. Ей хотелось расспросить его о брате, но она уже доехала до нужной остановки, и ей пришлось оставить автобус. Вернувшись в свой монастырь, Ксаверия решила встретиться с Бакельмансом и послала записку с просьбой навестить её. Поскольку она не была уверена в том, что он знает её монашеское имя, она подписалась под письмом: «Сестра Алекса». Тем временем Бакельманс и Алекс Франк были арестованы по обвинению в шпионаже. В руки тайной полиции попала записная книжка Бакельманса. В ней упоминалось имя Ксаверии. Бакельманс записал его, чтобы не забыть рассказать Франку о встрече в автобусе. Невинная записка Ксаверии, подписанная условным именем, также очутилась в руках полиции. Ксаверия была арестована.

Подчас записные книжки приводили и к более роковым последствиям. Глупая памятка в записной книжке привела к провалу разведывательной группы Бископса, которая сыграла в своё время крупную роль, хотя и не могла сравниться с «Белой дамой» по размерам организации и по размаху работы.

Один антверпенский окулист, доктор «Х», участник организации Бископса, был задержан по подозрению в проступке, не имевшем ничего общего с его разведывательной деятельностью. [99] Достойный доктор был совершенно невинен в возведённых на него обвинениях. Полиция вскоре в этом

убедилась и уже собиралась освободить его, когда обнаружила в захваченной при нём записной книжке памятку о свидании с неким «В». Полиция пожелала узнать, кто такой «В». Доктор совершенно забыл об этой записи и был застигнут врасплох. Буквой «В» он обозначил «почтовый ящик» Бископса в Брюсселе. Не найдя подходящего объяснения, он отказался отвечать. Немцы заключили, что ему есть что скрывать. Они пригрозили доктору, что будут держать его в тюрьме до тех пор, пока не получат объяснения таинственной записи. Доктора отвели обратно в его камеру. Там он нашел нового «заключенного»: это был провокатор Делакур.

Провокатор сочинил правдоподобный рассказ и тем заслужил полное доверие своей жертвы. Ощущая потребность в моральной поддержке, доктор подробно поведал свои приключения. Он рассказал, что обозначил буквой «В» записной книжке Маргариту Вальревенс, проживающую в Брюсселе на улице Медори, 128.

Расследованием занялся капитан Гольдшмидт, начальник секции «С» брюссельской тайной полиции. Он направил сыщика Жана Бюртара по указанному адресу. Убедившись в правильности информации, Бюртар явился к Маргарите Вальревенс и со свойственной ему хитростью попытался завоевать её доверие. Он заявил, что является курьером одной из разведывательных организаций союзников в Голландии. Но Маргарита Вальревенс была настороже. Она не знала об аресте доктора «Х», да и Бюртар показался подозрительным. Разыграв законное возмущение, она проводила вон непрошенного гостя и тут же сожгла все компрометирующие документы. Спустя несколько минут Бюртар вернулся в сопровождении полицейских. Он арестовал всех проживавших в доме и произвёл тщательный обыск, но нашёл лишь тёплый пепел в камине.

Как обычно, тайная полиция устроила засаду в доме Маргариты Вальревенс и задерживала каждого посетителя. Таким путём были арестованы не только многие участники «Организации Бископса», но и женщина-курьер, явившаяся с разведывательным донесением.

К арестованным опять-таки были подосланы провокаторы. Читатель, несомненно, удивляется, как может арестованный, жизнь которого подвергается опасности, разбалтывать компрометирующие сведения незнакомым людям, какими бы [100] заслуживающими доверия они ни казались на первый взгляд. Но люди, измученные бесконечными допросами и пытками, находящиеся в заключении неделями, а то и месяцами, нуждаются в собеседниках и в человеческом сочувствии. В качестве провокаторов выступают их соотечественники, которые

уверяют, что находятся в таком же тяжело и опасном положении. Всё это побуждает заключённых забыть об осторожности. Во многих случаях провокаторы вербовались из числа самих заключённых, запуганных угрозой смертной казни.

В деле «Службы Бископса» тайная полиция использовал жену расстрелянного немцами бельгийского патриота. Спасая свою шкуру, эта женщина принялась выдавать своих товарищей по заключению. Ей удалось войти в доверие «одному из арестованных руководящих участников «Службы Бископса», я назову его псевдонимом «Спелье»; хотя это человек проявил преступную неосторожность, но в его поведении не было злонамеренности. Провокаторша хитро расставила свои сети. Она сказала «Спелье», что имеет возможность передавать сообщения на волю через дочь, навещавшую её раз в неделю. «Спелье» решил предупредить Леона Дебука, начальника организации Бископса, об арестах в Брюсселе. Он написал ему записку и сообщил провокаторше адрес Дебука в Шарлеруа.

Эта записка, конечно, была передана Гольдшмидту. Он послал трёх агентов тайной полиции в Шарлеруа, чтобы арестовать Леона Дебука.

Когда те явились ранним воскресным утром сентября 1917 года в дом Дебука, вся семья ушла к обедне. Дома оставалась лишь гувернантка Эмилия Фенасе. В ожидании возвращения семьи Дебуков трое агентов заняли дом. Однако они не заметили, что Эмилия Фенасе включила свет на крыльце. Это был сигнал опасности, предусмотрительно установленный Дебуком. Подходя к дому, Дебук заметил сигнал. Он тут же распрощался с семьёй и поспешно выехал в Брюссель.

Дав ускользнуть Дебуку, тайная полиция потеряла нить, которая вела к раскрытию его организации. Маргарит Вальревенс, «Спелье» и другие участники «Службы Бископса», арестованные в Брюсселе, составляли лишь небольшую часть организации. Дебук был достаточно умен, чтобы организовать свою работу на основе отдельных, самостоятельных ячеек. Ячейки «Службы Бископса» в Малине, [101] Намюре, Шарлеруа, Монсе, Мобеже, Валансьене, Турнэ и в Бельгийском Люксембурге остались нетронутыми. Сорокалетний Дебук, инженер по профессии, очень развитой и находчивый, не был ни трусом, ни паникёром. Несмотря на арест жены и дочери, он решил восстановить деятельность своей организации и восстановить связи с Голландией, порвавшиеся из-за провала Маргариты Вальревенс. Получив пристанище в Брюсселе, в доме своей семидесятилетней тетки Анны Ферхегге, он принялся за дело. Новый «почтовый ящик» был найден в лице пожилой госпожи Декамп. В Тюрнгауте, близ голландской

границы, он завербовал аббата Диркса в качестве сменного «почтового ящика». Оставалось лишь установить регулярные рейсы пограничного курьера.

К этому времени один из агентов Дебука, аббат Ансо из Намюра, связал его с Деве, Шовеном и Нёжаном. Дебук встретился с ними в Льеже; они были представлены ему под вымышленными именами Готье, Бушон и Пети. Через Жанну Дельвэд «Белая дама» связала Дебука с пунктом перехода границы, организованным Сике. Вскоре последовал трагический провал Сике, о чём я уже рассказывал.

«Белая дама» предоставила Дебуку одно из своих убежищ. Руководству организации было ясно, что Дебук скомпрометирован дважды: по делу группы Вальревенс и по делу Сике. Благоразумие требовало, чтобы ради его собственной безопасности и безопасности целой организации он во что бы то ни стало оставил Бельгию. Был найден проводник, благополучно проведший его через пограничные проволочные заграждения.

Всё окончилось бы хорошо, если бы по прибытии в Голландию Дебук обратился к разведке английского военного министерства. Мы располагали достаточным количеством запасных пунктов перехода границы, которые могли быть предоставлены в распоряжение Дебука. Но он явился к представителю майора Камерона, поскольку «Служба Бископса» принадлежала к разведке английского генерального штаба.

Оба «почтовых ящика» Дебука в Брюсселе и Тюрнгауте не пострадали в результате провала Сике. Служба Камерона немедленно приступила к установлению связи с ними. Как раз в этот период ею был организован новый пункт перехода через голландско-бельгийскую границу на участке Тюрнгаута. Этот пункт обслуживался группой контрабандистов и мешочников, действовавших в сообщничестве [102] с немецкими пограничниками. Я уверен, что ни представители майора Камерона, ни сам Дебук не знали об участии немцев в этом деле, иначе они ни за что не рискнули бы воспользоваться этим пунктом перехода границы в своих сношениях со «Службой Бископса».

Как ни странно, немецкий солдат, передавший письмо, запрятанное в мыле для бритья, добросовестно выполнил свою часть задания. Он отнёс мыло некоему Вершюрену проживавшему в районе Тюрнгаута. Встревоженный тем, что передачу принёс ему немецкий солдат, Вершюрен отказался его принять. Не зная, что поделать с мылом, солдат закопал его в землю. Вскоре группа немецких пограничников, замешанных в контрабанде, была задержана. В числе прочих был арестован и этот солдат. На

допросе он сообщил тайной полиции о зарытом мыле для бритья. Его выкопали и обнаружили две скатанные записки, каждая величиной с папиросу.

Одна записка была адресована в Тюрнгаут, другая в Брюссель. Первая из них содержала поручение аббату Дирксу установить контакт с лицом, которое Дебук назначил своим преемником в качестве главы «Службы Бископса»; в письме этот человек именовался «Белым негром. Дирксу сообщалось, что он сможет найти его через Анну Ферхегге, проживавшую в Брюсселе по улице Филиппа Шампанского, 44. Вторая записка предназначалась самому «Белому негру». Ему давались инструкции по восстановлению «Службы Бископса», указывалось, что связь с Голландией он сумеет поддерживать через аббата Диркса. По-видимому, авторы писем намеревались связать Диркса через Вершюрена с пунктом перехода границы.

Гольдшмидт из секции «С» брюссельской тайной полиции снова занялся расследованием. Диркс был немедленно арестован. Немецкий сыщик Кулон был подослан к Анне Ферхегге под видом аббата Диркса. Старушка никогда не видела Диркса и отнеслась к провокатору с полным доверием. Записка, принесённая ей Кулоном, была написана почерком её племянника — Дебука. Она направила Кулона к госпоже Декамп. Та дала ему рекомендательное письмо к своему племяннику — отцу Бормансу, пробивавшему в Шарлеруа. Одновременно она передала на словах через знакомого, выехавшего в Шарлеруа, что к нему явится с важным поручением священник из Голландии.

Но Кулон не рискнул явиться к настоящему священнику в облачении духовного лица. Он пришёл к Бормансу в [103] обычном костюме. Тому это показалось подозрительным, и, когда гость к тому же завёл речь о шпионаже, Борманс попросту указал ему на дверь. Кулон вернулся в Брюссель в довольно унылом настроении. Однако он всё же вернулся к Декамп и пожаловался ей на её племянника. По его словам, он поехал в Шарлеруа в штатском костюме потому, что хотел избежать наблюдения тайной полиции. Декамп извинилась перед ним за проявленное племянником недоверие и обещала взять дело в свои руки. Она послала Бормансу новое письмо, к которому приложила записку Дебука из Голландии, принесенную Кулоном. Подлинность почерка Дебука убедила Борманса передать записку «Белому негру». Тот назначал свидание таинственному посланцу из Голландии в доме Декамп в Брюсселе.

Кулон пришёл на свидание первым. Любезно болтая с Декамп, он поджидал свою жертву. Когда раздался звонок и явился «Белый негр» в сопровождении своей дочери, Кулон

вытащил револьвер и арестовал всех троих. При обыске в доме Декамп тайная полиция нашла немало сюрпризов. Было найдено несколько донесений агентов другой разведывательной группы, связанной с так называемой «Голландской хлеботорговой компанией». Под маркой этой компании действовала одна из разведывательных организаций английского генерального штаба, руководимая майором Уоллингером. Несмотря на свой преклонный возраст, патриотка Декамп уже больше года состояла активной сотрудницей службы Уоллингера, выполняя роль «почтового ящика».

Полицейские засады были устроены в домах Анны Ферхегге, Декамп и «Белого негра», который оказался аптекарем из Шарлеруа Франсуа Певенассом. Один арест следовал за другим. Наконец, число арестованных участников «Службы Бископса» и разведывательной организации Уоллингера достигло сорока человек.

Опять в руках немцев было крупное дело о шпионаже. Суду была представлена тщательно разработанная схема; на ней были изображены наблюдательные посты, курьеры, «почтовые ящики», главные агенты «Службы Бископса». Против каждого имени была проставлена служебная кличка. Дебук носил кличку «Диоген», Певенасс имел две служебные клички: «Белый негр» и «Демосфен», аббат Ансо назывался в организации «Горацием» и т. д. Тайная полиция собрала многочисленные улики, и ей не стоило большого труда установить роль каждого участника организации. [104]

Маргарита Вальревенс, аббат Ансо и ещё трое подсудимых были приговорены к смертной казни. Другие обвиняемые получили тяжёлые каторжные приговоры.

Так окончила своё существование «Служба Бископса». Она действовала больше года и с помощью своих наблюдательных постов оказала союзникам величайшие услуги.

Дебук был мужественным и умным организатором. Его нельзя обвинить в провале организации. Арест Маргариты Вальревенс был чистой случайностью, а вся ответственность за неудачный выбор пункта перехода границы лежит на сотрудниках майора Камерона.

«Служба Бископса» представляет для нас особый интерес потому, что во многих случаях её пути перекрещивались с путями «Белой дамы». Объяснить это очень легко. Обе службы вербовали многочисленных агентов из среды духовенства, а также среди бельгийской интеллигенции.

«Белая дама» бескорыстно помогала «Службе Бископса». К счастью, Деве, Шовен и Нёжан действовали при этом под

вымышленными именами. На процессе по делу «Службы Бископса» не раз упоминались таинственные Готье, Бушон и Пети. Эти имена стали известны тайной полиции ещё по делу Сике, и организаторы процесса хотели бы пристегнуть их к кому-либо из обвиняемых.

После провала «Службы Бископса» её уцелевшие участники были включены «Белой дамой» в её организацию.

Глава XVII. Славные итоги

Перемирие было подписано. Германская армия отходила. Немцы обязались очистить всю оккупированную территорию Бельгии и Франции в течение двух недель. Когда был освобождён Льеж, я отправился через границу, чтобы встретиться со своими агентами, с которыми я общался в течение полутора лет тайными путями. Этих людей я никогда не видел, но их надежды и тревоги были моими надеждами и тревогами. Это был самый волнующий эпизод в моей жизни.

В Льеже я отправился по известному мне адресу, который я никогда не доверял бумаге. Предупреждённые о моём приезде, здесь меня ожидали оба начальника «Белой дамы» вместе с командирами батальонов и рот. Когда я вошёл в комнату, где они собрались, все бросились приветствовать меня. [105]

Среди присутствующих были три священника и три женщины, остальные были преподавателями, инженерами, адвокатами, ремесленниками.

Я сразу понял причину успехов «Белой дамы»: она объединила многих способнейших людей Бельгии, воодушевлённых высочайшими идеалами патриотизма. Уважение, проявляемое собравшимися к двум начальникам, отражало господствовавшую в организации строгую дисциплину. Я убедился, что милитаризация «Белой дамы» не была пустой фантазией. Передо мной были офицеры военной организации.

Выяснилось, что организация была гораздо шире, чем я предполагал. Через неделю Деве снабдил меня следующими данными об организационном состоянии «Белой дамы» к моменту перемирия:

1. Количество железнодорожных наблюдательных постов — 51

2. Количество секретариатов по перепечатке донесений — 12

3. Членов организации — 1084

В том числе:

Принесших присягу и зачисленных в армию — 904

Подсобных работников — 180

4. Разбивка членов организации:

а) руководители и организаторы — 324

б) агенты по наблюдению за железными дорогами — 206

в) разъездные агенты — 368

г) курьеры и персонал «почтовых ящиков» — 233

д) контрразведка — 13

е) подсобные работники — 180

Мужчин — 626
Женщин — 278
Бельгийцев — 792
Французов — 95
Других национальностей — 17
Священнослужителей и монахинь — 80
Лиц с высшим образованием — 141
Чиновников — 211
Подверглось аресту — 45
Приговорено к смерти — 5
Расстреляно — 2
Умерло при исполнении обязанностей — 1

К числу руководителей и организаторов отнесены, помимо работников льежского центра, и работники штабов батальонов, рот, взводов и отделов «Белой дамы». Помимо основной своей работы, все они несли службу разведки.

Показательно значительное число курьеров и персонала «почтовых ящиков». Оно наглядно свидетельствует о том, что связь была главной трудностью в работе организации. [106]

Немало участников «Белой дамы» принадлежало к числу священнослужителей и монахинь. Они участвовали во всех отраслях разведывательной работы, но имели особенный успех в вербовке новых членов организации.

Женщины — участницы «Белой дамы» — были такими же активными, как и мужчины. Большинство курьеров были женщины, а это была наиболее опасная работа. Они носили при себе улику, достаточную для осуждения немецким судом; в случае ареста им угрожало, по меньшей мере, десятилетнее тюремное заключение. К концу войны немцы неоднократно грозились выслать из Бельгии мужское население. «Белой даме» приходилось принять меры на случай, если бы им вздумалось выполнить свою угрозу. Деве и Шовен назначили своей заместительницей Жюльетту Дюрье, помогавшую им организовать побег Фокено и Крёзена.

Временами лишь от одной «Белой дамы» поступали донесения. Её деятельность распространялась на всю Бельгию, а также на районы Ирсона, Фурми, Авена, Шарлевилля, Лонгийона, Дуэ, Валансьена и Лилля в оккупированной Франции, Сеть её агентов покрывала всю эту обширную территорию. Кроме того, организация располагала также ячейками в Люксембурге, а накануне заключения перемирия ей удалось проникнуть в Эльзас. Каждая из стратегических железнодорожных линий в немецком тылу на всём пространстве — от Вердена до моря находилась под наблюдением агентов «Белой дамы».

Блестящие заслуги «Белой дамы» получили полное признание по окончании войны. Все её участники были награждены английским правительством, многие, помимо того, — французским и бельгийским правительствами. Деве и Шовен получили самые высокие награды из всех, какие были присуждены разведчикам на оккупированных территориях. Устав «Белой дамы», принявшей к концу войны наименование «Британский наблюдательный корпус», был признан английскими военными властями. Её участников — французских подданных — французское правительство признало военнослужащими. Руководители «Белой дамы» получили личные поздравления фельдмаршала сэра Дугласа Хэйга.

Успехи «Белой дамы» во многом объясняются организационными талантами и умелым руководством Деве и Шовена, а также преданным поведением их сотрудников. «Белую даму» можно считать образцовой разведывательной организацией. [107]

Приложение

Ниже приводятся отдельные вопросники и инструкции, которые разведка английского военного министерства посылала организациям «Белой дамы». Приводимые документы дают представление о разведывательной работе этой организации.

Вот содержание этих документов:

Общие указания

Интересующая нас информация из тыла противника может быть разбита на четыре группы вопросов:

1) Передвижения войск по железным дорогам, какие части передвигаются.

2) Передвижения войск по грунтовым дорогам и местопребывание частей, отведённых на отдых в тыловые районы.

3) Местонахождение аэродромов, военных складов и пр. Планы и другие сведения о строительстве оборонительных сооружений.

4) Общая информация: документы, сведения о намерениях противника и предполагаемых наступательных операциях: всё, что, по мнению самого агента, представляет важное значение для союзников.

Передвижение войск по железным дорогам, организация железнодорожных наблюдательных постов

Организация железнодорожных наблюдательных постов является самым важным делом, которое вы можете предпринять в интересах союзников. Чтобы наблюдательный пост приносил реальную пользу, он должен находиться на одной из основных железнодорожных магистралей, например, на линиях Льеж — Лувен — Брюссель — Гент; Брюссель — Галь: Льеж — Намюр — Шарлеруа; Шарлеруа — Монс; Шарлеруа — Мобеж; Намюр — Брюссель; Намюр — Арлон; Намюр — Динан и т. п.

Не ставьте себе слишком обширных задач. Мы перечислили железнодорожные магистрали для того, чтобы дать понятие о том, что нас интересует. Помните, что если вам удастся организовать хотя бы два или три поста, вы окажете союзникам огромную услугу.

Следующие инструкции должны быть выполнены с абсолютной точностью.

А. Месторасположение поста. Никогда не следует располагать наблюдательный пост на узловой железнодорожной станции, так как там будет невозможно определить направление движения поезда. Раз вы сообщаете о прохождении поезда в определённом направлении, у вас должна быть уверенность, что он не пойдёт в

другом направлении. Поэтому лучше устроить пост за пределами такой [108] станции, чтобы иметь уверенность относительно направления движения поездов.

В вашем первом донесении укажите приблизительное местонахождение поста, но не давайте точного адреса или какого-либо иного указания, которое позволило бы полиции разгромить его, в случае если донесение попадёт в её руки. Например, если ваш пост находится вблизи Серэнга, пометьте его Серэнг 333 или другим произвольным номером. Этого достаточно, чтобы мы знали, что вага пост контролирует движение по линии Льеж — Намюр. После того, как мы подтвердим получение вашего первого донесения, достаточно обозначать ваш пост номером 333.

Б. Пост должен иметь постоянное местопребывание и не передвигаться. Он должен находиться в каком-нибудь определённом месте, как, например, в одном из домов близ железнодорожной линии.

В. Наблюдение должно вестись непрерывно. Следует сообщать о каждом проходящем поезде, даже о порожняке.

Г. Дата и время прохождения каждого поезда должны указываться с исчерпывающей точностью.

Д. Следует указывать и направление движения каждого поезда. Агент должен помнить, что движение поездов в сторону Германии представляет такой же интерес, как и движение поездов в сторону фронта.

Е. Необходимо указывать точный состав поездов. Особое внимание следует уделять при этом воинским поездам.

Указывайте особо: офицерские классные вагоны, солдатские вагоны, вагоны с лошадьми, платформы с орудиями, платформы с боеприпасами, платформы с повозками и полевыми кухнями.

Если поезд состоял из одних солдатских вагонов, мы будем знать, его он перевозил либо отпускников, либо пополнения для одной из частей на фронте. Но если эшелон состоял также из вагонов с лошадьми, платформ с орудиями, боеприпасами или повозками, тогда нам будет ясно, что он вёз целое воинское подразделение. Если в состав такого эшелона входили платформы с орудиями и боеприпасами, — это перевозилась артиллерийская батарея; точно так же можно узнать по составу эшелона, передвигается ли пехотный батальон или кавалерийский эскадрон.

Если скорость движения воинского поезда или плохие условия погоды мешают наблюдению, лучше сосредоточиться на общей характеристике эшелона, чем на определении точного количества вагонов или платформ. К примеру, если вы укажете в донесении, что эшелон состоял из восемнадцати солдатских

вагонов, а не из двадцати четырех, ваша информация не потеряет своей ценности. Но если вы не упомянете о платформах с орудиями, входившими в состав эшелона, мы вынесем ложное заключение: вместо того чтобы сделать вывод о прохождении мимо вашего поста артиллерийской батареи, наш эксперт решит, что поезд перевозил пехотный батальон.

Ж. Наблюдение должно вестись днём и ночью. Возможно, что сперва вам удастся посылать лишь донесения о движении поездов в дневное время, но как можно быстрее следует перейти к круглосуточному наблюдению.

3. Заключение. Только тот наблюдательный пост заслужит ваше доверие, чьи донесения будут отличаться точностью. [109]

ОБРАЗЕЦ ДОНЕСЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОСТА

При составлении ваших донесений придерживайтесь возможно точнее следующего образца.

1 июля 1917 г. Пост Серэнг (333)

6.00. 18 солдатских вагонов, направление Намюр.

6.10. 1 офицерский вагон, 10 солдатских вагонов, 20 вагонов с лошадьми, 4 с орудиями, 12 с боеприпасами, 4 повозки, 1 полевая кухня. Направление Льеж.

6.20. 28 открытых платформ, порожняк, направление Льеж. 6.25. 10 вагонов с лесом, 20 вагонов с досками, 10 вагонов с колючей проволокой, направление Намюр.

6.30. 35 вагонов с боеприпасами, направление Намюр. 6.40. 35 санитарных вагонов с ранеными, направление Льеж. 6.54. 1 офицерский вагон, 20 солдатских вагонов, 10 вагонов с лошадьми, 15 повозок, 1 полевая кухня, направление Намюр. 7.00. 8 пассажирских вагонов, направление Льеж. 7.10. 25 вагонов с углем, направление Льеж.

7.25. 2 офицерских вагона, 10 солдатских вагонов, 25 вагонов с лошадьми, 4 автомобиля, 10 повозок, 2 полевые кухни, направление Намюр.

7.40. 25 вагонов с боеприпасами, направление Намюр. 7.50. 5 вагонов с солдатами, 20 автомашин, 1 офицерский вагон, направление Льеж.

8.00. 30 вагонов, порожняк, 10 платформ, порожняк, направление Льеж. 8.17. 10 вагонов с железом, 6 вагонов с сеном, 4 вагона с досками, 10 вагонов с колючей проволокой, направление Намюр.

8.24. 35 солдатских вагонов, направление Намюр.

8.30. 2 офицерских вагона, 15 солдатских вагонов, 26 вагонов с лошадьми, 4 орудия, 15 вагонов с боеприпасами, 6 повозок, 2 полевых кухни, направление Льеж.

В целях сокращения донесений употребляйте условные

обозначения, бывшие в ходу на государственных железных дорогах до войны. В большинстве случаев нельзя определить номер следующей по железной дороге войсковой части. Но если случайно представится такая возможность, ею следует воспользоваться. Помните, что определение номеров воинских частей имеет большое значение.

Передвижение войск по грунтовым дорогам, местонахождение воинских частей, отведённых на отдых

Мы не интересуемся частями ландштурма, расквартированными в тыловых гарнизонах. Следует сосредоточить внимание на частях действующей армии, передвигающихся с восточного фронта на западный или с одного участка западного фронта на другой. В своих донесениях обратите особое внимание на следующие вопросы:

А. Дату прибытия и ухода части следует указать с максимальной точностью.

Б. Крайне важно указывать номера полков, дивизий, а по возможности, и армий.

В. С какого участка фронта прибыло подразделение и когда оно оттуда снялось.

Г. Опишите обмундирование солдат, укажите расцветку нашивок, погон, кокард и других знаков различия.

Д. Опишите внешний вид войск. Выглядят ли они утомленными и грязными, Принимали ли они участие в тяжёлых боях. Если [110] принимали, то какие понесли потери. Укажите приблизительный возрастной состав солдат.

Е. Какими транспортными средствами располагает часть. При наличии артиллерии укажите калибр и дайте описание орудий.

Ж. Перечисляем состав германской дивизии: три пехотных полка трёхбатальонного состава, два артиллерийских полка в составе девяти батарей полевой артиллерии и трех гаубичных батарей, три кавалерийских эскадрона, одна или две роты сапёров, одна или две санитарные роты. Обычно дивизии передвигаются в полном составе.

З. Крайнюю важность представляют любые документы, секретные приказы или планы, которые вам удастся достать.

И. Дайте подробное описание любой новой военной машины, которую вам удастся увидеть (например, танка или пушки нового тина и т. п.).

К. Опишите все способы атаки, которые будут применяться войсками противника на учениях.

Л. Интересуйтесь любыми сведениями о подготовке противником наступления и т. п.

М. Если войска покидают ваш район или же следуют на марте

по грунтовым дорогам, укажите направление движения и, если возможно, место назначения.

Авиация.

Вопросник I

А. Известно ли вам что-либо о результатах последних воздушных налётов союзной авиации. Запомните: общие фразы не представляют интереса. Следует точно указать дату и время налета, а также перечислить его результаты.

Б. Какие аэродромы противника вам известны. Укажите их местонахождение. Сколько там имеется постоянных и сколько передвижных ангаров. Какие летные соединения там размешены. Какие используются типы самолётов.

В. Известны ли вам какие-нибудь лётные школы. Где они находятся? Сколько учлётов в них обучается?

Г. Какие типы самолётов сейчас преимущественно используются. Производятся ли испытания новых типов самолётов. На каких заводах производятся эти новые типы самолётов. Являются ли они монопланами или бипланами. Сколько у них моторов и винтов. Какова их горизонтальная и вертикальная скорость. Хороша ли их маневренность. Каков их радиус действия?

Д. По-видимому, немцы используют новый сорт древесины для винтов своих самолётов. Есть сведения, что он на 18 процентов легче применявшегося прежде, что его вывозят с Балкан и что в необработанном виде он имеет желтоватый оттенок. После обработки и полировки эта древесина будто бы похожа на розовое дерево. Можете ли вы сообщить нам, что это за сорт древесины, или добыть его образчик.

Е. Не появился ли у немцев новый четырёхмоторный самолёт. Каковы характерные особенности этого самолёта. Сколько у него плоскостей. Как выглядит его хвостовая часть.

Ж. С каких аэродромов производятся налёты на Англию.

Вопросник II

Следующие три вопроса интересуют нас сейчас больше всего.

А. Месторасположение и действия различных неприятельских эскадрилий. Нам нужно знать, какие аэродромы в вашем районе эвакуированы и какими аэродромами противник продолжает пользоваться. В отношении последних желательно установить, сколько эскадрилий находится на каждом аэродроме, количество и типы самолетов, номера эскадрилий.

Запомните, что на каждом самолёте указаны мелкими буквами название фирмы и тип машины. Например, «Альбатрос» Д III.

Примечание. Немецкие аэродромы часто расположены в

такой близости один от другого, что недостаточно обозначить их только по наименованию города или деревни. Например, не указывайте «аэродром Куртрэ», а пишите «аэродром, расположенный в 5 километрах к северо-востоку от Куртрэ».

Б. Следующий в порядке важности вопрос — результаты налётов союзной авиации. Указывайте точно час и дату каждого налёта, куда попали бомбы, и какие они произвели разрушения.

В. Третий вопрос — противовоздушная оборона противника. Сообщите точное месторасположение каждой зенитной батареи и укажите калибр орудий. Укажите, где расположены подвижные батареи, калибр орудий и номера соответствующих зенитных подразделений. Укажите месторасположение стационарных зенитных батарей. Укажите месторасположение воздушных заграждений, число аэростатов, высоту и размеры заграждений.

Примечания

{1} К этому лицу Биэ имел личное поручение от Дез-Онея. — Г. Л.

{2} «Пети» (франц.) — маленький (Прим. перев.)

notes

Notes